

Созданы друг для друга

Автор:

Татьяна Алюшина

Созданы друг для друга

Татьяна Александровна Алюшина

Еще раз про любовь

Дина совершенно случайно спасает жизнь молодой мамы и ребенка и таким образом знакомится с Владом Гарандиным. Он бывший долларовый миллиардер, человек необычной судьбы, имевший когда-то большое влияние в бизнес-кругах. Сама Дина уже много лет занимается спасением женщин от домашнего насилия – делом сложным и полным опасностей. И вот столь разных людей потянуло друг к другу, но смогут ли они быть вместе?

Татьяна Алюшина

Созданы друг для друга

Похоже, что с верхней одеждой она сильно погорячилась, как-то совершенно упустив из внимания этот момент, – выскочила из дома в привычном легком коротком пуховичке, ботиночки демисезонные, про шапку с шарфом так и вовсе не вспомнила, хорошо хоть перчатки надела. Март он, конечно, март, и пусть даже к концу подходит, но ведь реально подмораживает ощутимо. Не так чтобы прямо совсем околеть от холода, не критично, к тому же в метро тепло, а по улицам она километры пешком не наматывает – пробежится от станции метро к нужному месту или подъедет, в крайнем случае, на такси или на общественном каком транспорте, но все равно холодно. Что значит человек, привыкший передвигаться исключительно на личном автомобиле, не приспособленный к жизни большинства «безлошадных» граждан.

«Как там у известной писательницы было? – иронизируя над собой, посмеивалась Дина, поднимая воротник и придерживая его у горла рукой. – Что-то вроде «сходил в народ и, на удивление, не помер». Кажется, так».

Ну насчет помереть – это явно перебор, а вот насчет «сходил в народ» – в самую точку: стоит выбраться из-за руля и влиться в людской поток, как теряешься с непривычки, забывая, например, о необходимости одеваться по погоде (и желательно не той, что царит внутри твоей машины, а той, что на улице). Но машинка любимая, джипик боевой, сегодня на техобслуживании и будет там еще несколько дней, так что мерзнуть ей теперь вместе с народом.

Но это от устойчивой привычки «я в домике за рулем», а не от снобизма. Не от него, это уж точно. На минуточку, она и есть тот самый народ, и в чем-то гораздо в большей степени, чем многие иные.

Так что не померем, не замерзнем, не околеем и прорвемся.

Вон ей совсем чуть-чуть осталось – через дорогу по переходу перейти и быстренько-быстренько перебежечкой немного по улице, потом свернуть в первый переулок и нырнуть в знакомое тепло уютного кафе.

И все. Красота-а-а... Она сразу попросит стакан горячей воды с лимончиком и капучино, мелкими глоточками выпьет кипяточка, расслабитесь-согреется, а там и кофе принесут, и станет ей хо-ро-шо.

Светофор на этом переходе был длинный, людей по обеим сторонам скопилось прилично, а машины все мчались и мчались, ускоряясь, торопясь успеть на зеленый свет. Дина стояла впереди собравшейся толпы у самого края первой белой полосы перехода, жалась-кукожилась под порывами холодного ветра в своей куртеньке и мысленно посмеивалась над собой.

Внезапно, чуть зацепив рукав ее куртки, прямо на переход выдвинулась детская коляска с младенцем, которую уверенно катила вперед молодая мамашка, одной рукой толкая коляску, а большим пальцем другой руки сноровисто набивая какой-то текст в своем смартфоне.

Наушники в ушах, лицо, отрешенное от реальности, вся с головой в Сети, не обращая внимание ни на что вокруг, она уверена шла, не сбавляя темпа, двигая

впереди себя коляску с малышом.

Толпа за спиной у Дины ахнула единым испуганным возгласом, кто-то вскрикнул, а у нее мгновенно врубилась на всю мощность рефлекс, и она увидела происходящее в полном объеме и с четкими деталями – красный свет светофора для пешеходов, поток машин на противоположной стороне, проскочившая по их полосе перед самой детской коляской «Ауди» и мчавшийся за ней прямо на зависшую в Сети мамашу с ребенком черный огромный внедорожник.

В доли секунды перестроившееся на некий особый режим работы сознание Дины выхватило момент, как изменилось выражение лица водителя джипа, как его руки начали выворачивать руль влево, и смогло проследить траекторию движения тяжелой машины, понимая, что тот не успеет, не успеет...

Руки Дины, все ее тело среагировали раньше, чем оформилась мысль, на одном голом рефлекс, отточенном годами. Она ухватила капюшон куртки нерадивой мамы и со всей, на какую была способна, силой рванула ту назад, продлевая движение дальше, дальше, мимо себя, за спину. Не успевшая ничего сообразить, девица придушенно хекнула горлом, неожиданно передавленным воротником, и, отпустив коляску, подчиняясь рывку, отлетела назад, аж за Дину, чего та и добивалась.

А коляска осталась стоять на переходе...

И уже ничего, ничего невозможно было... Дина рванула вперед, видя-понимая со всей четкостью, что не успевает, не успевает... Каким-то щелчком сознание внезапно переключилось в иной режим, время растянулось, как в замедленной съемке, при этом мозг фиксировал даже самые мелкие детали, добавив картинке особой яркости и четкости.

И Дина отмечала, как все выкручивает и выкручивает руль водитель несущейся на нее машины, успела поразиться, что в выражении его лица нет ни паники, ни испуга, лишь злая предельная сосредоточенность, увидела, как в беззвучном крике раскрывается его рот, как тормозят и поворачивают машины встречного потока и как медленно, слишком медленно, тянется ее рука к детской коляске, как, схватив за ручку, она выталкивает ее назад, за себя, со всей силы, и коляска медленно начинает откатываться, чуть не завалившись набок, а Дину силой инерции несет вперед...

На самой последней секунде все, что она успела сделать уже абсолютно неосознанно, интуитивно, – это дернуться всем телом назад и в сторону от неотвратимо летевшей на нее черной громадины.

И снова время вернулось в привычное течение, и Дина почувствовала сильнейший удар в левое бедро, от которого ее развернуло, и она отлетела в сторону, упав на правую руку, с силой приложившись головой об асфальт и что-то острое.

По всей видимости, Дина потеряла сознание на какое-то непродолжительное время, потому что в себя она пришла от обрушившейся на нее шквалом какофонии звуков – громкие, нервные и истеричные людские голоса, ругань, крики, кто-то что-то требовал, кто-то скандалил, кто-то плакал, и надрывно орал младенец, гудели клаксонами автомобили, какая-то женщина наклонилась над Диной и спрашивала о чем-то. Дина никак не могла разобрать, что та говорит, только отмечала в какой-то прострации, как меняется выражение лица незнакомки от озабоченного до жалостливо-испуганного.

Так. Так. Пыталась она что-то понять. Надо сообразить, что вообще происходит.

И тут лицо женщины, нависавшее над ней, исчезло, а вместо него совсем близко возникло лицо другого человека. Мужчина посмотрел на Дину долгим изучающим взглядом и произнес нарочито четким и громким голосом:

– Вы меня слышите?

Дина почувствовала внутри, где-то в районе солнечного сплетения, такое приятное, непонятное тепло, которое затем растеклось по всему телу...

Она смотрела в эти темно-янтарные глаза совершенно незнакомого ей мужика и тонула в них, и ей вдруг так сильно, так сильно – больше всего на свете захотелось, чтобы он прижал ее к себе, обнял, и тогда – она точно знала – все-все стало бы замечательно и правильно.

Каким-то необъяснимым образом, на какие-то мгновения, она вдруг уловила всеми своими обострившимися чувствами в этом незнакомом мужчине нечто абсолютно родное.

Дина медленно закрыла глаза, втянула с силой воздух и, ненадолго задержав дыхание, медленно выдохнула, успокаивая себя.

Наверное, головой она стукнулась всерьез, если с ней происходят такие странности и чудится всякое.

Может, это все? Добегалась?

– Ей совсем плохо, разве вы не видите! – прокричала какая-то женщина сбоку.

– Я уже вызвала «Скорую»! – произнес другой женский голос.

– Да какая «Скорая»! – возмутился мужчина, по голосу вредноватый дедок. – Вон пробка образовалась! Да и пока они приедут, девушка сто раз помереть успеет!

– Помолчите, – остановил говорливого дедка мужчина. Он говорил очень спокойным, ровным тоном человека, привыкшего отдавать приказы и знавшего, что их выполнят, и пообещал: – Если «Скорая» задержится, я ее отвезу.

И от этого его голоса и тона у Дины вдруг мурашки побежали по телу.

Да, подумала она какой-то вялой, тягучей мыслью, наверное, ей совсем хреново, очень уж странные реакции тела.

– Да? – недоверчиво спросила бабулька из разряда въедливых старушек. – А куда вы ее отвезете, мы ж не знаем? Вы ж девушку сбили, а это статья уголовная. Может, вы ее в лесок какой отвезете, а не в больницу, и закопаете там потихому? Вон у вас машина какая, богатый человек и наверняка со связями. Что вам простые люди. Подумаешь, убили девчонку.

– Я пока жива, – вмешалась в разговор Дина и открыла глаза.

– Да то пока, милая, вон у тебя кровь из головы хлещет, – возразил дедок.

– Лежите, – легонько надавив на плечо, мужчина, сидевший на корточках возле нее, остановил ее попытку приподняться. – У вас может быть поврежден позвоночник, лучше не рисковать.

- Что, и правда хлещет? - спросила она у него.

- Не ручьи, - улыбнулся незнакомец.

И от этой его улыбки с легкой иронией на Дину вдруг словно снизошло какое-то абсолютное спокойствие и уверенность, что теперь уж точно и обязательно все будет хорошо.

Интересно, почему?

- Это вы специально так говорите, - снова выступила бабка, - чтобы нас убедить, что девушка не сильно пострадала.

- Что с ребенком? - как-то вмиг вспомнив про него, спросила Дина.

- Все в порядке, коляску не задело, - успокоил ее мужчина.

- Почему тогда он так кричит?

- Проснулся, испугался, наверное, - предположил мужчина. - Да и мамаша его из коляски достала, трясет, прижимает к себе и рыдает.

- Да такую мамашу надо прав на ребенка лишать! - переключилась на новый объект активная бабулька. - Это ж надо ума не иметь, чтобы такое творить: дебильники в уши, в телефон пальцем тыкает и пошла ребенка под машину катить! Разве ж это мамаша! Это ж отродье какое-то, а не мамаша!

- Помогите мне встать, - попросила Дина.

- Полежите еще чуть-чуть, - сказал с легким приказным нажимом мужик, - вон уже «Скорая» едет, слышите?

Дина прислушалась. Да, едет, на всю улицу знакомый вой сирены разносится. А ей и гибэдэдэшная подпевает где-то с другой стороны.

Ну ладно, полежим в таком случае, подождем. А то и правда, мало ли что там с позвоночником, она пока от шока, видимо, даже боли еще не ощущает, но отлично знает, что чуть спадет адреналин в крови, и она такое почувствует... во всех подробностях и деталях, о-ей-ей.

Так что полежим.

– Вы меня сбили? – спросила она мужчину, почему-то все так и продолжавшего сидеть возле нее.

– Я.

Даже односложное, короткое слово, произнесенное им, звучало у него весомо.

– Как? – спросила она, интересуясь подробностями.

Он понял, о чем именно она спрашивает.

– По касательной, в левое бедро. Вы успели дернуться в последний момент, а я успел-таки повернуть. Повезло. На встрече народ среагировал правильно: кто затормозил, кто ускорился и успел проскочить вперед, оставили мне место для маневра. – И вдруг, совершенно неожиданно, он погладил ее по голове, жалея и подбадривая, с какой-то особенной нежностью, и похвалил: – Вы молодец. Вы просто поразительная умница.

И посмотрел прямо в глаза своими странными, казавшимися Дине очень знакомыми темно-янтарными глазами.

На всю улицу надрывался вой сирен приближающейся «Скорой помощи» и машины гибэдэдэшников, ехавшей с другой стороны ей навстречу. Ребенок заходился в истошном крике, мать его громко рыдала и что-то зло отвечала какой-то женщине, отчитывающей молодую мамашу противным менторским тоном. Въедливая бабка выступала за порядок и справедливость, дедок вторил той баском, добавляя напряженности в атмосферу. Машины гудели, пытались объехать образовавшуюся пробку, а они смотрели в глаза друг другу, зависнув на какое-то мгновение во времени...

И вновь время ускорилося, события закружились одно за другим. Отодвинув мужчину куда-то в сторону из поля зрения Дины, над ней склонился доктор «Скорой помощи».

Четко, кратко и по существу отвечая на расспросы врача, Дина попыталась повернуть голову, чтобы увидеть, куда делся сбивший ее водитель, но именно в этот момент ее организм решил, что пора показать, как ему плохо, и выстрелил болью во всех пострадавших местах одновременно, да с такой злой интенсивностью, что у Дины перехватило дыхание и невольно брызнули слезы из глаз.

– Ничего, ничего, – поспешил успокоить врач, заметив реакцию девушки на легкое движение и эти ее предательские слезы, – сейчас обезболим и в больничку повезем.

– Что с ней, доктор? – спросил сбивший ее водитель, внезапно появившись рядом с ней.

– Сотрясение, предположительно переломы левого бедра и правой руки, ушибы тела и головы, скальпельная рана, – перечислил доктор. – Точнее после обследования в больнице. Нужна срочная госпитализация.

– Я помогу, – безапелляционным тоном сообщил мужчина.

Очень споро, ловко и быстро Дину перенесли на каталку, спасибо, что достаточно аккуратно – к тому моменту у нее уже боль была настолько сильной, что она боялась снова потерять сознание. Но загрузку каталки в машину «Скорой помощи» остановил гибэдэдэшник, который спросил данные пострадавшей у врача, а потом обратился непосредственно к Дине:

– Заявление писать будете? – И объяснил подробнее, видимо, специально для стукнутой головушкой: – Претензии к наехавшему на вас водителю имеются?

– Какие претензии? – округлила глаза Дина. – Он всех нас спас, ему благодарности надо выносить, а не претензии предъявлять.

– Положим, всех нас спасли именно вы, а не я, – спокойным, ровным тоном возразил ей водитель внедорожника.

И Дина удивилась: оказывается, он никуда не делся, так и стоит рядом с каталкой.

– Ну кто кого спас, это мы разберемся, – проворчал гибэдэдэшник и продолжил опрос пострадавшей: – А к гражданке Володиной претензии предъявлять будете?

– Это мамаша с коляской? – уточнила Дина.

– Да, виновница дорожно-транспортного происшествия, – внес полную ясность полицейский.

– Пока не знаю, – честно призналась Дина.

Что-то ей совсем хреновенько стало, голова поплыла-а-а, в затылке выстрелило острой болью, сильно замутило, а левый бок заболел как-то совершенно нестерпимо.

– Так, все, – прервал разговоры доктор.

И каталку с Диной вкатили в машину.

– Куда вы ее? – спросил водитель внедорожника.

– В Склиф, – ответил доктор.

А мужик вдруг совершенно неожиданно для всех шагнул следом за каталкой в машину «Скорой помощи», склонился над Диной, взял ее за руку и пообещал:

– Я приеду. Сейчас разберусь тут с гибэдэдэшниками и приеду к вам.

– Ладно, – ничего не поняла Дина, но почувствовала что-то необъяснимо приятное от этого его обещания.

А он уже выскочил на дорогу к гибэдэдэшнику, сказавшему ему что-то недовольным тоном.

Только машина «Скорой» отъехала от места происшествия и набрала скорость, как запел смартфон Дины мелодией песенки про Умку.

- О господи, - встрепенулась Дина, - я совершенно забыла!

- Немудрено с такой аварией и ушибом головы, - заметила женщина-фельдшер и протянула Дине ее сумочку.

- Мамулেক, - посмеиваясь, сказал ей в трубку сын. - Ты где? Мне тебя все-таки ждать или ты зависла в делах?

- Не ждать, Кирюш, - постаралась придать голосу максимальное спокойствие и даже улыбнуться Дина. - Не пугайся, сынок, но меня сбила машина.

Вы бы не испугались, если бы вам такое сказала мать родная? Вот и Кирилл, проигнорировав призыв к спокойствию, сразу же напрягся.

- Нападение? - чуть ли не прокричал он.

- Нет-нет, - поспешно уверила Дина, - не нападение, честно. Абсолютная случайность. Я тебе все объясню.

- Как ты? Что с тобой? Где ты? - закидывал он ее вопросами.

- Я в «Скорой», меня везут в Склиф, - успокаивала его Дина. - Ничего страшного! - И усмехнулась: - Обошлось в основном «кузовными» повреждениями: гематомы, ушибы, порезы.

- Я еду.

- Ладно, дорогой.

Сегодня в приемном отделении Склифа работал очень даже хорошо знакомый, можно сказать, родной дежурный врач. Дина даже застонала от досады, когда увидела его, вышедшего по вызову регистраторши навстречу бригаде «Скорой».

Ну все, сейчас начнется! Оно и началось, не задержалось.

– Дина! – охнул Егор Ильич, перебивая доклад врача «Скорой» о проведенных экстренных мерах, и спросил о том же, о чем и сын двадцать минут назад: – Господи! Тебя таки достали? Это нападение?

– Нет, Егор Ильич, ничего такого. Просто ДТП. Глупая случайность. – И попросила жалостливо-умоляюще: – Папе не говорите. Я потом, попозже, сама.

– Да как же не говорите! – возмутился Березин и недовольно проворчал: – Сама она! – И, уже не слушая ее, забрал протокол у доктора «Скорой», переключив все свое внимание на его доклад.

– Ну что, – где-то через час вынес он свой вердикт, присаживаясь на стул возле койки, на которой лежала Дина в отдельной, элитной палате (куда ее на время поместили по откровенному блату и самому близкому знакомству), – повезло тебе, Диночка, надо сказать, на удивление. Повреждений и травм внутренних органов нет, позвоночник в полном порядке, даже сотрясения столба не диагностируется, удачно упала.

– Угу, – согласилась Дина и пояснила: – Меня в бок, по касательной зацепило, крутануло так, что я свалилась на руку. Не подбросило, вообще не оторвало от дороги.

– Я ж говорю, повезло, – довольным тоном повторил Березин. – И вот что мы имеем в результате твоих «танцевальных пируэтов»: переломов нет, слава богу. Сильнейший ушиб бедра, синяк знатный будет, красавец, – порадовался он с эстетским удовольствием, в своеобразной манере, присущей хирургам с их несколько специфичным циничным юмором. – Ну и болеть будет соответственно. С рукой похуже дела обстоят: перелома нет, но сильный ушиб локтя, а это такая фигня, сама знаешь, может и воспаление надкостницы вызвать, посмотрим. И ободран, понятное дело, он серьезно. Про снятие скальпа ты в курсе и прочувствовала его, когда тебя зашивали.

Это точно! Прочувствовала еще как! Падая, она попала головой на какой-то острый камешек, слава богу, повезло невероятно, что удар не пришелся на свод черепа, тогда бы уже все. Налетела она на него вскользь, боком и содрала приличный кусок скальпа четыре на пять сантиметров.

Хирургическая сестрица посочувствовала, когда брила волосы вокруг раны, а потом и зашивала это безобразие:

- Так жалко, - сопереживала она, - прическа классная, волосы красивые, и будет теперь плешь сбоку да со шрамом.

- Ничего, отрастет, - успокоила медсестру Дина (почему-то не наоборот, что было бы как-то логичней). - У меня волосы быстро растут.

Но болела и щипала эта зараза ужасно. Главное, лежать теперь приходилось, постоянно выворачивая голову набок, чтобы не задевать рану.

Вот ведь хренотень какая!

- Ну и сотрясение средней тяжести имеется, как же без него, а это не рахат-лукум, сама понимаешь, противная фигня, - добавил Березин. - В общем, ангелы-хранители твои подсуетились, не иначе. - И посоветовал совсем иным тоном - наставительным, напряженно-серьезным: - Ты бы завязывала со спасениями всякими, Дина, везение, оно, знаешь, не безгранично. Да и хватит уже.

- Егор Ильич, - посетовала Дина, морщась от головной боли. - И вы туда же.

- Да не туда же, а все там же! - повысил он голос. - Сколько можно об этом говорить? Ведь каждый раз беседуем, а ты все не прислушиваешься! Ты и так сделала более чем достаточно, Дина, сколько можно рисковать, подставляться и тащить это на себе?

- Ну, Егор Ильи-и-ич, - жалобно-умоляющим тоном протянула Дина.

- Что Егор Ильич! - ворчал тот. - Сто раз уже обсуждали. Не собираюсь и не желаю латать тебя, когда ты таки всерьез нарвешься! А ты нарвешься рано или

поздно! И никто тебя не защитит! Не помогут ни твои навыки, знания и осторожность, ни твои друзья со всей их крутизной! – И выдохнул устало, словно сдуваясь в один момент: – Отцу твоему следовало давно запретить тебе так рисковать, да и вообще этим заниматься. Вот приедет, пусть тебя и воспитывает.

– Настучали? – спросила Дина.

– Конечно, а ты как думала, – отозвался Березин и хлопнул себя ладонями по коленям, деловито выдыхая. – Так, ладно, бесполезно с тобой об этом. Будем считать, что со вступительной частью закончили. Сама понимаешь, полежать у нас тебе придется недельку-другую, понаблюдаем динамику и состояние, а там посмотрим. – И переключился на другую тему: – Слушай, там к тебе мужик рвется, требует личной встречи и общения. Это не тот ли, что тебя сбил?

– Наверное, он, не знаю, – отчего-то вдруг растерялась Дина.

– Так что, пустить его или как?

Пока ее обследовали, возили на рентген и МРТ с томографией, зашивали, кололи и латали, Дина успела в подробностях и деталях доложить Березину и медсестрам о произошедшей аварии, так что претензии к наехавшему на нее гражданину предъявлять не имело смысла, а скорее даже и наоборот – поблагодарить не мешало бы.

Чем и объясняется легкое попустительство со стороны медперсонала – по правилам стационара посетители допускаются до больных в строго отведенные часы посещения, без каких-либо поблажек. Все сурово. Да и правда, что им бесконтрольно шляться-то, посетителям этим? Доставать врачей бесконечными вопросами, требованиями и недовольством? А вы часто видели довольных родственников в больницах? Ну вот и врачи редко видели. Только тогда, когда тех собираются выписывать, и то большо-о-ой вопрос. У нас же что? Врачи – единственные люди в стране, которые ни фиги не смыслят в том, как надо лечить и правильно ухаживать за больными – народ всегда знает лучше, а уж при повальной доступности к Интернету так и вовсе все академиками стали в любом вопросе, и уж особенно в медицине. Вот и приходится народу подсказывать докторам, как надлежит лечить. Так что, с точки зрения медперсонала, отведенных часов посещения более чем достаточно для общения

с родными, за исключением некоторых случаев.

- Пустить, - не самым уверенным тоном разрешила Дина и спросила: - А Кирилл здесь?

- Приезжал, я ему подробно доложил об аварии и твоём состоянии и отправил домой за полисом и вещами, скоро подъедут с дедом.

- Поня-я-ятно, - обреченно протянула Дина.

- А ты что хотела, голуба моя, - не посочувствовал Березин. - При таком-то папеньке и спрос другой.

- Да уж, - смиренно согласилась Дина.

- Ладно, сейчас пуцну мужика, который тебя сбил. - И строго предупредил: - Только ненадолго. Десять минут.

И вот обладатель янтарных глаз, вызывавших столь странные реакции Динино организма, вошел в палату и поздоровался:

- Привет.

Вот даже сейчас - от одного простого слова, произнесенного им, как-то так стало тепло...

- А как вас зовут? - наконец-то спросила Дина, сообразив, что даже имени его не знает.

- Да, - усмехнулся он, вопросительно кивнув на стул возле ее койки, и присел, получив разрешение от махнувшей рукой Дины: - Мы не познакомились, хотя и очень тесно «соприкоснулись», если можно так сказать. - И представился: - Гарандин Владислав Олегович.

- Что-то очень знакомое, - сосредоточенно нахмурилась Дина, пытаясь сквозь головную боль и не совсем ясное сознание вспомнить, где она слышала эту фамилию.

Совершенно определенно где-то слышала, и не раз. Уж очень что-то знакомое. Странно, у нее отличная память на имена и лица, к тому же специально натренированная, – и на тебе, подводит. Хотя немудрено, она сейчас совершенно не в силах соображать – все как-то мутно, тошно, непонятно.

– Забейте, – посоветовал Гарандин, заметив сосредоточенное и несколько болезненное выражение лица, с которым девушка рассматривала его.

– Ладно, – легко согласилась Дина.

– Ну, а про вас я уже кое-что знаю, – улыбнулся он той самой своей поразительной, чуть ироничной улыбкой, так успокоившей Дину, когда она лежала на асфальте, и от которой почему-то чувствовала, что все теперь будет хорошо. – Вы Дина, – говорил он, улыбаясь, – Дина Нагорная. – И отметил с какой-то особой, проникновенно-теплой интонацией: – Красиво звучит.

И от его голоса и особой модуляции-интонации, с которой он произнес это «красиво звучит», и его замечательной, чуть ироничной улыбки ей вдруг так «захорошело», как говорит бабуля, и даже боль отступила, и так вдруг стало спокойно, и затеплело в груди... Или это лекарства начали действовать все разом, давая такую вот странную «побочку»?

– Ну как вы? – спросил он с искренним сочувствием, осторожно взял ее ладонь в руки и подержал, согревая немного заолодевшие пальцы.

– Опасных травм нет, – ответила Дина, поразившись этому его неожиданному порыву, а главным образом, тому, как ее избитое тело отозвалось на этот простой жест утешения и участия. И поспешила подпустить иронии, остужая все эти странности: – Так, только изрядно поцарапало харизму, а в основном жить буду.

– А мы по... – начал он фразу, но не успел закончить.

– Мам!.. – Резко распахнув дверь, Кирилл ворвался в палату и тормознул, увидев незнакомца, сидящего рядом с ее койкой.

Пару мгновений он смотрел на Гарандина подчеркнуто подозрительным, изучающим взглядом, чуть задержавшись на его руках, баюкающих ладонь Дины, а потом прошел к кровати, наклонился и поцеловал мать в щеку.

- Кирюш, познакомься, - поспешила представить посетителя Дина, осторожненько извлекая ладошку из рук мужчины: - Владислав Олегович. Это он меня сбил.

- А-а-а, - заметно расслабился парень. Он улыбнулся и протянул руку Гарандину.

Тот принял дружеское рукопожатие.

- Спасибо, что не угробили мою мамульку.

- Вы уверены, что она ваша мама? - без какого-либо намека на комплимент в адрес дамы, прямолинейно, с большим сомнением в голосе спросил Гарандин.

- Уверен-уверен, - легко рассмеялся молодой человек.

- Сколько вам лет? - не торопился верить Владислав Олегович: ну мало ли какие расклады бывают в жизни.

- Двадцать, - улыбнулся мальчишка.

Красноречиво приподняв брови, Гарандин изобразил полное недоверие и перевел вопросительный взгляд на Дину.

- Да ладно, - усмехнулся Кирилл, не дав матери ответить на молчаливый вопрос: - Обычная реакция, никто не верит, что она моя родная мамулька. - И предложил: - Давайте я за вас все скажу: «Не может быть, вы же совсем девчонка, что вы его, в десять лет родили?»

- Ну, где-то так, - согласился Гарандин совершенно серьезным тоном.

- Родила она меня в семнадцать, возраст свой не скрывает, а даже наоборот, с удовольствием посмеивается над такой вот реакцией окружающих, - разъяснил Кирилл и тут же переключился на более насущную тему: - Вы уже видели вашу

аварию? – И повернулся к Дине. – Ну ты, мамулек, как всегда в своем репертуаре, – кидаешься всех спасать, выручать, не жалея живота своего.

– Так получилось, – покаянно произнесла Дина.

– А что, кто-то выложил запись? – уточнил Гарандин.

– Даже несколько записей в «Ютубе» и в «Инстаграме», – кивнул Кирилл и, повернувшись к Дине, пояснил специально для нее: – Кнуровские ребята уже с камер дорожных и городских все срисовали и переслали мне.

– Они тоже в курсе? – поразилась Дина.

– Смеешься? Конечно, все в курсе. Я же сразу сообщил и скинул инфу: место, время. Мало ли кто на тебя наехал, как и зачем. Все сразу на Кузьмина подумали.

– Да ну, – отмахнулась от такого предположения Дина. – Глупости, у него мозгов не хватит спланировать что-то сложное. Тем более совершить нечто такое. Совершенно предсказуем.

Гарандин не перебивал, вопросов не задавал, но слушал с особым вниманием.

– Ну что... – Распахнув дверь, в палату стремительной походкой вошел крепкий, довольно стройный мужчина лет под шестьдесят.

И точно так же, как и Кирилл до него, побуравил подозрительным взглядом посетителя.

– Дед, – поспешил разрядить обстановку парень. – Это Владислав Олегович. Это он сбил маму.

– Ага, – удовлетворенно произнес мужик и протянул Гарандину руку.

Владислав Олегович поднялся со стула, крепко пожал протянутую руку, присматриваясь к этому самому деду, надо полагать, отцу пострадавшей. Интересный мужик, а внук поразительно похож на деда и внешностью, и

фигурой, даже манерой держаться.

- Константин Павлович, - представился мужчина, - отец Дины. - И вдруг улыбнулся, уважительно крутанув головой: - Однако реакция у вас, батенька, исключительная. Как вы этот маневр совершили - поражаюсь. Несколько раз просмотрел все записи аварии и все восхищался: ни одного лишнего движения, никакой суеты и паники, сплошной мат и виртуозное вождение. Как вывернули-то, а? Ни юзом не повело, ни в дрифт неконтролируемый не закрутило. Круто! - И тряхнул еще разок руку Гарандина.

- Вообще-то если и восхищаться чем-то, то это реакцией вашей дочери, - отговаривался от похвалы Владислав.

- Ну с ней особый разговор, - тоном, обещающим нахлобучку, ответил Константин Павлович и, тряхнув напоследок еще раз руку Гарандина, присел на стул возле койки.

- Ну что? - спросила Дина, пытаясь улыбнуться. Чувствовала она себя все хуже, но крепилась. - Все посмотрел, все проверил?

- Посмотрел и проверил, - подтвердил отец. - Да и что проверять, Егор сделал все, что надо. Недельку тут полежишь...

- Пап... - перебила его дочь.

- Недельку, - с нажимом произнес тот, - потом к себе переведу.

- Да не надо меня к тебе! - возмутилась она. - Вот на фига? Меня и здесь прекрасно полечат.

- У нас так же прекрасно полечат, - отрезал Константин Павлович, - там у нас не дом проходной, никто лишний не зайдет.

- Здесь тоже не проходной, - злилась Дина.

- Ма, - вмешался Кирилл, - дед же прав, что ты сопротивляешься, у них охрана серьезная, и в их отделение посторонним не пройти. - И попенял: - Ну что ты?

– Да потому что они меня там замучают своей заботой и охраной! – слабо, но все же возмущалась Дина.

– Ничего, помучаешься немного, – отмахнулся от ее аргументов отец и попенял: – И все, закончили. А то перед человеком неудобно, – кивнул он в сторону Гарандина.

– Да, Владислав... – спохватилась Дина.

– Давайте просто Влад, – перебил тот.

– Влад, – согласилась она, – извините, мы тут о своем. Увлеклись немного.

– Интересное у вас «свое», – задумчиво почесав пальцем бровь, заметил он и неожиданно посмотрел на нее пару секунд очень внимательным, цепким взглядом, а потом повернулся к Константину Павловичу. – Если я правильно понял, Дине угрожает какой-то человек? И вы всерьез обеспокоены ее безопасностью.

– Да ладно б только он, справились бы как-нибудь, – устало вздохнул Нагорный.

– А что, – спросил каким-то особым тоном Влад, – ей угрожает несколько человек?

– А-а, – безнадежно отмахнулся Константин Павлович, скривившись, – все это... – И не договорил, что именно «это». – Так, – ушел он от разговора и строго посмотрел на дочь, – я тебе все сказал. Тебе надо спать-отдыхать. – И не удержался-таки – склонился над дочерью, посмотрел внимательно в ее глаза: – Голова болит?

– Болит, – ответила она потухшим голосом и сразу же отчиталась: – Вся симптоматика в наличии, можешь не сомневаться, но меня накололи, отпускает понемногу. Сознание, правда, слегка плывет.

– Ну это нормально, – констатировал заботливый отец. Он поцеловал дочь в щеку и погладил по голове. – Ладно, пойду, там Егор просил одного пациента посмотреть.

- Начало-о-ось, - протянула Дина с иронией.

- Я с тобой, дед, - тут же востепенел Кирилл.

- Идем, - призывно махнул ему Константин Павлович, - тебе полезно будет. - И повернулся к Гарандину: - Рад был познакомиться. Еще раз благодарю, что сделали все, чтобы спасти Дину.

И вышел из палаты.

- Да, - торопливо потряс руку Владу Кирилл, - спасибо за мамульку. Вы крутой чел, так дрифтанули не по-детски. Класс!

И выскочил вслед за дедом из палаты.

А Гарандин развернулся к Дине и неожиданно спросил напрямик:

- Кто вам угрожает, Дина? Муж, бывший муж, любовник, бойфренд? Или какие-то криминальные дела?

Подождал, сел на освободившийся стул и, ожидая ответа, внимательно следил за выражением ее лица.

- Муж, бывший муж, любовник и бойфренд, - улыбаясь через накатывающую волнами слабость, повторила она за ним. - Все вышеперечисленные, только не мои. Впрочем, это все ерунда и мои заморочки, - быстренько соскочила с темы она и в свою очередь спросила: - А что там с той девочкой, из-за которой все случилось? С ее ребенком? Они в порядке?

Гарандин помолчал, внимательно ее рассматривая и позволяя ей уйти от ответов. Дина прямо вот видела и ощущала, что позволил.

Какой, однако, непростой мужчина-то, а?

- Они в порядке, испугались оба, разумеется, сильно, но не более, - ответил Гарандин легко и непринужденно, словно продолжил прерванный разговор. - К

вам завтра придет следователь – подписывать протокол происшествия. И наверняка предложит написать заявление на эту мамашу.

– Да ну, – пренебрежительно отмахнулась Дина. – Что там хоть за девочка, вы пообщались?

– Пообщались, – легонько усмехнулся Гарандин, – типичная представительница сетевого погружения. Как там в «Камеди» было? «Живу впроголодь на десять лайков в сутки».

– Что, полный бесполезняк? – уточнила Дина.

– Да бог знает, – неопределенно крутанул головой Влад. – Испугалась она всерьез, и проняло ее крепко. Да и женщины на нее набросились, грозились тут же в опеку звонить, ставить вопрос о лишении материнских прав. Одним словом, проняло девочку качественно. Надолго ли хватит просветления в ее мозгах, это другой вопрос.

Не постучавшись, распахнула дверь и вошла медсестра, и уже с порога распорядилась эдаким особым профессиональным тоном, выработанным годами:

– Все, посещение окончено. Больной требуется покой и отдых. Попрошу вас покинуть палату.

– Сейчас покину, – спокойным тоном пообещал господин Гарандин, не двинув ни одним мускулом, и наклонился чуть ближе к Дине.

– Ну что, Диночка, поправляйтесь, исцеляйтесь.

– Буду, – серьезно пообещала та.

А он совершенно неожиданно поднялся со стула, наклонился и поцеловал ее в щеку, выпрямился, махнул рукой на прощание и вышел из палаты мимо удивленно замершей медсестры.

– Кавалер? – спросила медсестра, наполовину высунувшись за порог палаты, провожая долгим, жадно-любопытным взглядом удалявшуюся по коридору

спину Гарандина, пока тот не скрылся за поворотом.

- Он меня сбил, - отмахнулась от ее любопытства Дина.

Положив голову на подголовник водительского сиденья и прикрыв глаза, Влад прокручивал в памяти аварию и все те необъяснимые странности, следовавшие за ней.

Он выехал еще засветло, чтобы гарантированно попасть на важную встречу в Москве, договоренность о которой долго согласовывалась: нужный ему человек был плотно занят и часто выезжал в командировки, так что планировали они эту встречу заранее, за несколько недель, сверяя свои графики. Вот он и подстраховался. Как чувствовал, что может «зависнуть» в дороге непонятно по какой причине.

Впрочем, некое обостренное предвидение возможных грядущих неприятностей или сложностей было у Влада давно, с самого детства.

Но что, пожалуй, самое важное: он привык доверять этим своим чувствам, не подвергая их сомнению.

Но на этот раз Гарандин решил, что ошиблась его хваленая «чуйка», подвела - долетел он от Питера до Москвы споро и без проблем: трасса на удивление оказалась полупустой, и ни в одной пробке ему не пришлось постоять даже на МКАДе, въезжая в Москву.

Он уж расслабился и мысленно прикидывал, что успеет сделать за несколько часов перед встречей, с кем еще можно пересечься и побеседовать, если выпала неожиданная okazия, тут же насчитав не меньше трех возможных вариантов.

Вот тут задремавшая было в дороге «чуйка» и напомнила о себе, и заглодело в затылке, как обычно бывает, когда приходит неконтролируемая информация-предупреждение, и что-то екнуло в груди, и Гарандин сбросил скорость до сорока перед пешеходным переходом.

Правильнее сказать: начал сбрасывать скорость, притормаживая, но стрелка спидометра так и не успела опуститься до сорока километров, когда Влад увидел деловито шагающую прямо под его машину мамашу с коляской.

И мгновенно включился некий механизм измененного состояния, врубились на всю катушку отработанные рефлексy, и, матерясь во все горло, Влад выкрутил руль, уводя машину от коляски с ребенком, отчетливо видя, понимая, что не успевает...

Внезапно какая-то стремительная фигура мелькнула впереди, и мамаша отлетела назад, а следом за ней и коляска, чуть не завалившись набок, а Влад, продолжая выкручивать руль и удерживать тяжелую машину от неконтролируемого заноса, увидел вдруг, буквально в трех метрах перед капотом, девушку.

И в этот момент с ним случилось что-то необъяснимое: он увидел близко-близко лицо девушки и ее глаза, смотревшие прямо на него – нереальные, фантастические какие-то глаза глубокого синего цвета с фиолетовым оттенком, с расширившимися от страха зрачками от осознания неотвратимости летевшей на нее смерти ...

Он успел, в какие-то доли секунды сумел еще повернуть всего на несколько так необходимых сантиметров руль и удержал машину в заносе, а она успела отшатнуться, отклониться...

Хотя совершенно точно – вот стопудово! – он видел и знал: не было у них обоих уже никакого времени. Но кто-то сверху дал им дополнительные доли той самой жизненно важной, последней секунды, ничем иным прагматичный Гарандин объяснить это везение не мог.

Да он и не пытался объяснять.

Но он все-таки задел ее и видел, как девчушку крутануло от удара в бедро крылом машины и она исчезла из поля его зрения.

Машина встала как вкопанная, как норовистый скакун, остановленный сильной рукой волевого наездника. Гарандин положил руки на руль и уткнулся в них лбом, чувствуя, как шумит в ушах кровь и начинает мелко потряхивать все

тело.

Ладно, ладно, – резко выдохнул он, встряхиваясь от нахлынувшей слабости, – еще ничего не кончилось. Надо посмотреть, как там девчушка.

Первое, что он понял, – жива! Его аж пробрало до слабости в ногах от этого понимания.

А потом она посмотрела на него, и его пробрало еще раз, но куда как серьезней, чем перед этим, от одного ее взгляда – так странно, у нее и на самом деле насыщенно-синие глаза с размытой фиолетовой каймой по краю и поразительно крупной радужкой.

Но не в этом дело, не в удивительном устройстве ее глаз, а в том, что Гарандину показалось, будто она улыбается ему глазами, и он вдруг почувствовал нечто совершенно необъяснимое... – не описать. Узнавание, что ли. Какую-то близость душевную, родство и особенную важность этого человека в его жизни.

Да боже мой, разозлился на себя Влад, не знает он, как это сформулировать и что вообще такое происходит.

Хрен с ним, ничего формулировать он не будет!

Девушка была стройной, но не худышкой, такой сбитенькой, спортивной, но без явных признаков серьезных силовых занятий. Не очень высокой, сейчас-то не определить.

Лежала она неудобно – скрученно: ноги ровно на асфальте, туловище чуть боком на правой руке, а ее русые густые волосы окрасились кровью в том месте, где голова соприкасалась с асфальтом.

Мгновенно оценив возможные варианты травм при таком ударе и этой ее позе, Гарандин в первом неосознанном порыве хотел было подхватить девочку и срочным порядком везти в больницу, но тут же остановил, остудил себя, подумав, что может навредить и сделать только хуже своей неосторожностью, и ее придержал, когда она попыталась встать. В шоке человек на что только не способен – и на поломанных ногах ходить, а у нее шок, это очевидно.

Все в нем рвалось к этой незнакомой девочке – поднять, прижать, защитить, помочь немедленно, но... – спасибо, «Скорая» приехала достаточно быстро, минут через семь, пожалуй, впрочем, как и гибэдэдэшники.

А когда «Скорая» увезла девушку и началась обычная в таких случаях рутина – составление протокола, беседы с гибэдэдэшниками, опрос свидетелей, Влада отпустило как-то все и разом – и «отходняк» адреналиновый, и те странные, нелогичные чувства-ощущения, которые он испытал к девушке, носящей редкое имя Дина. И, перекидывая гибэдэдэшникам записи аварии со своего видеорегистратора, Влад мысленно посмеивался: эка его прихватило-то на адреналине.

Да уж, давненько он не рисковал осознанно «адреналиновой прокачкой», даже забыл, как это случается и как реагирует организм на шоковую игру.

И все же, все же... Было в этом его странном отношении к смелой девочке что-то совсем иное, чем простая реакция на выброс гормонов в стрессовой ситуации, – совсем иное и необъяснимое.

И очень мощное.

Осталось прояснить окончательно и точно, была ли это минутная странность или что-то особенное. И вот именно с этой целью он, пожалуй, навестит девушку Дину в больнице, тем более до его основной, важной встречи времени еще предостаточно.

Ну вот и навестил.

Теперь сидит в своем суперджипе и думает, что дальше делать и какие шаги предпринимать в свете новых обстоятельств.

Обстоятельств простых, как редька в поле, и одновременно навороченных, как все, что относится к разряду чудесно-мистического, – казалось бы, оно просто и понятно, а пытаешься осмыслить, и офигеваешь – как это вообще могло случиться.

Стоило Владу войти в палату и увидеть Дину, лежавшую в койке с забинтованной головой и перевязанной правой рукой, которая встретила его поразительным взглядом своих сине-фиолетовых, каких-то эльфийских, ей-богу, глаз, как Гарандин понял со всей очевидностью и определенностью – это его девочка, его женщина, его Судьба, если позволить себе такие выражения. Половинка там не половинка, фиг бы с этими затертыми романтическими мимишками – все гораздо проще и непомерно сложнее – она его всё и вся его. А он весь ее.

Как-то так. Без образов.

Гарандину понравился ее сын и ее отец, но его сильно напрягли и насторожили их разговоры.

Давным-давно у Влада развилось умение считывать, улавливать и вытаскивать информацию даже из самых малых крупиц фактов, из намеков и недосказанностей, из языка тела человека, его реакций и поведения и вскользь брошенных фраз, из любых обрывочных сведений и необычных источников. Извлекать из этого «шлака» информацию, анализировать и систематизировать ее, добавляя к тем фактам, которые добыл сам или добыли для него.

Все срабатывало в мозгу у Влада автоматически.

Кстати, именно эти способности, помноженные на его невероятную «чуйку», и помогли ему до сих пор оставаться живым и относительно невредимым.

Впрочем... что вспоминать и тревожить былое. Уже давно минули те времена, когда он нуждался в такой сложной аналитической работе своего мышления, – времена минули, а навык остался.

То, о чем говорили с Диной ее отец и сын, сильно напрягло Гарандина – если девочке всерьез кто-то угрожает и преследует ее, то какого, простите, хрена вы так вольно обсуждаете эти вопросы в присутствии совершенно незнакомого вам человека, да еще и фамилии упоминаете всякие. То, что он не угробил вашу дочь и мать, не является причиной для доверия незнакомому мужику.

Да мало ли какая подстава могла иметь место там, на переходе. Если кто-то на самом деле пытается всерьез достать Дину, он мог придумать и разыграть

любые комбинации, и мало ли каким образом в них участвует сам Гарандин, а они при нем так свободно болтают.

Если бы они знали, с какими только виртуозно организованными и просчитанными до секунд и миллиметров «случайностями» с участием огромного числа людей приходилось сталкиваться Гарандину, то нынешняя авария показалась бы им топорным гоп-стопом в исполнении дилетантов.

Нет, если Дину на самом деле серьезно и настойчиво кто-то преследует, то с таким подходом эти мужики не защитят ее ни разу, лишь подставят.

Ладно, тяжеловато вздохнул Влад, выпрямился, потянулся, достал из лежавшего на соседнем сиденье портфеля навороченный айпад последней модели – посмотрим, что там можно накопать о Дине Нагорной, а там и подумаем, какие шаги следует дальше предпринять.

Минут через сорок Влад закрыл айпад и призадумался, прокручивая в голове полученную информацию. То, что шаги предпринимать придется, это-то понятно. Тут главное расставить приоритеты и решить, с чего правильной начать.

В палате Кирилл вскользь произнес одну фамилию, вот, пожалуй, с нее и начнем. Гарандин достал из кармана смартфон, набрал номер из числа тех, которые стоило помнить на всякий случай.

Искомый человек оказался в Москве, ответил и выказал готовность встретиться.

– Здравствуйте, Владислав Олегович, – поприветствовал ожидавший его Сергей Викторович Кнуров[1 - Герой книги «Любовь со вкусом вишни».], поднимаясь из-за столика, за которым сидел. Он шагнул навстречу и протянул руку для рукопожатия.

Высокий жилистый мужик, находившийся в великолепной физической форме для возраста за пятьдесят, обладавший очень непростым взглядом серых внимательных глаз в обрамлении черных длинных и густых ресниц – предмета зависти всех женщин.

– Здравствуйте, Сергей, – сдержанно-уважительно отозвался Гарандин, принимая и пожимая протянутую руку.

Ему не было необходимости смотреть на часы и проверять пунктуальность своего прихода. Влад обладал особым ощущением времени. Он никогда не опаздывал и не приходил заранее, предпочитая появляться ровно в назначенный час. Человек же, с которым он встречался, обладал иными навыками, привычками и способностями и неизменно являлся на встречи заранее.

Сели за столик напротив друг друга, сделали заказ подоспевшей официантке.

– Видел ваш исключительный «заезд», впечатлен, – произнес с улыбкой Сергей, когда официантка отошла от стола, и заметил с явным уважением: – Да, мастерство не растеряешь.

– Да, – согласился с ним Гарандин, – особенно, если тебя гонял и натаскивал Макар.

– Особенно, – кивнул Сергей и сразу перешел к делу: – Вадим Олегович, вам понадобились наши услуги?

– Не совсем, – ответил Гарандин и, посмотрев прямо в глаза Кнурову, обозначил предмет своего интереса: – Дина Константиновна Нагорная. Я бы хотел узнать о ее проблемах и вашем с ней сотрудничестве.

Кнуров не спешил отвечать, оставаясь совершенно расслабленным внешне и не показав никакой реакции на вопрос, только в глазах, всего на мгновение, мелькнуло нечто острое и опасное, тут же сменившись нейтральным выражением с легким оттенком дружелюбия.

– С какой целью интересуетесь? – спросил наконец он.

– Надеюсь, она станет моей женой, – таким же ровным и спокойным голосом произнес Гарандин.

Коротко помолчали, всего пару-тройку секунд, за которые мужчины обменялись пристальными взглядами.

– А вы изменились, Владислав Олегович, – усмехнулся Кнуров. – Раньше вы бы сказали иначе, что-то вроде: «Я намерен на ней жениться».

– Раньше, – в тон ему ответил Гарандин, – я не обратился бы к вам за информацией.

– Да, – согласился Сергей, – не обратились бы.

Вздыхнул глубоко и отвернулся, задумчиво глянув в окно, резко выдохнул и снова посмотрел на Влада.

– Знаете, почему мы с Ринком приняли ваш заказ и работали с вами в свое время?

– Подозреваю, что не только потому, что я щедро вам за это платил, но и из-за того, что в те времена вступать со мной в противостояние было весьма недальновидно. Лучше сотрудничать, – иронично усмехнулся Гарандин.

– И когда нас останавливали разумные доводы, Владислав Олегович? – усмехнулся Сергей. – Вы же прекрасно понимаете, что нам совершенно ни к чему было проверять друг друга на предмет, у кого нерв крученей и связи позаковыристей.

– Да бросьте вы, Сергей, – отмахнулся Гарандин. – Вы же понимаете, что в то время даже, скажем так, тесное «внештатное сотрудничество» господина Ринкова[2 - Герой книги «Крымский роман».] с конторой на самом высоком уровне вряд ли могло бы вам помочь, осерчай я всерьез и упрись в своем недовольстве.

– Ну отчего же... – не согласился Кнуров.

– Да ладно, – снова отмахнулся Влад, – для вас это бодание обошлось бы гораздо большими затратами и потерями по всем параметрам и статьям, в том числе и репутационным.

– Ну это тоже вряд ли бы остановило Ринка и всю нашу команду, если б и мы уперлись, – констатировал очевидное Сергей.

– Ну, это-то понятно, – продолжал усмехаться Гарандин, правда, не без уважительной нотки, – Антон Александрович – человек определенной репутации и характера. Да и ладно, чего уж теперь мериться задним числом.

– Согласен, – кивнул Сергей и продолжил свою мысль: – Так вот, Владислав Олегович, мы взяли тогда сотрудничать с вами, в числе прочих причин, еще и потому, что из сообщества людей того уровня, к которому вы принадлежали, вы относились к редкому меньшинству, которое четко видело края и не переступало границы, не связывалось с черным криминалом. К тому же вы были известны в деловых кругах как человек, всегда державший свое слово, даже если оно шло в ущерб самому святому – прибыли.

– В те времена я избегал такой недальновидной ошибки, как давать обещания, – уточнил Гарандин.

– За редким исключением, – внес ясность Кнуров и продолжил: – Вы не держались за деньги и бизнес, относясь к ним скорее как к инструментам, а не как ко всей своей жизни. И сейчас я оценил тот факт, что вы не стали использовать для получения информации о Дине свои каналы, обратившись непосредственно к нам, как я понимаю, оберегая ее от лишнего любопытства. Хотя... – недовольно махнул он рукой, как на дело безнадежное, – она постоянно сама подставляется.

И перешел к рассказу о непростых делах, работе и заботах Дины Нагорной и ее тесном сотрудничестве с компанией Антона Ринкова и его ближайших соратников: Михаила Дубина и Сергея Кнурова.

Под скупое и неспешное изложение фактов мужчины успели перекусить и выпить по чашке чаю. Закончив свой рассказ, Кнуров произнес почти нейтральным тоном:

– Я бы сильно не рекомендовал никому обижать девочку.

– Я тоже, – согласился с ним Гарандин и посмотрел прямо в глаза собеседнику.

Двое очень непростых мужчин поняли друг друга и договорились.

– Спасибо за информацию, Сергей, – обозначил конец их встречи Гарандин. – Я ваш должник.

– Если сможете убедить девочку найти иное применение ее талантам и сделаете ее счастливой, то мы все станем вашими должниками, – улыбнувшись, Кнуров чуть кивнул и поднялся из-за стола.

Гарандин тоже поднялся и пожал тому руку, прощаясь.

Кнуров ушел, а Влад, вернувшись за стол, неспешно потягивал душистый травяной чай и заново прокручивал в голове весь разговор, расставляя и мысленно сортируя собранную информацию.

Дина проснулась ранним утром с устойчивым ощущением, что она забыла сделать что-то очень важное, но никак не может вспомнить, что же это.

Как бывает, когда вдруг выскакивает из памяти какая-то мысль, или нужное слово, или фамилия чья-то, которую вот прямо сейчас надо вспомнить, – и вроде бы крутится вот прямо на поверхности, здесь, совсем рядом, и ты же знаешь, какое это слово – вот же оно, ну вот же! – только недавно оно приходило на ум, а вспомнить не можешь никак, и все!

Будь оно неладно!

И ведь вся засада в том, что непременно вспомнишь, но только тогда, когда оно тебе уже на фиг не сдалось, и ты думать забыл о предмете своих мучительных потуг.

Вот именно такая засада и разбудила Дину ранним утром – ощущение, что она упустила что-то очень важное.

Да и к черту! – рассердилась она, чувствуя, как напряженное усилие мгновенно вызывает резкую боль в голове и шум в ушах.

Нет, ну его на фиг, надо будет – само вспомнится, а ей напрягаться совсем нельзя, ей даже читать запрещено, у нее и смартфон вчера отец забрал, и

рабочий телефон – старенькую трубку с минимальными функциями.

Когда папенька в ипостаси доктора – а в ней он пребывает большую часть жизни, – то становится очень суров и грозен, как высокое начальство.

И поскольку чувствовала себя Дина препаршиво, то и спорить с папенькой не стала, тем более что под действием препаратов и своего болезненного состояния большую часть времени она пребывала в полудреме, периодически проваливаясь в сон-забытье.

А тут на тебе – проснулась с ощущением потери чего-то очень важного, что она неосмотрительно упустила. Но пришла мама, принесла всяческие вкусности на завтрак, принялась обихаживать доченьку, и Дина окончательно забыла о том, что она там усиленно и тщетно пыталась вспомнить.

Но оно напомнило о себе само. Точнее будет сказать – сам.

Коротко стукнув в дверь, вошел Влад Гарандин.

– Доброе утро, – поздоровался он с дамами.

«Вот оно! – озарило Дину. – Вот то самое важное, что я пыталась вспомнить: я так и не узнала, откуда мне известна его фамилия и кто он вообще такой. Хотела же посмотреть в инете, у отца спросить – и забыла!»

– Здравствуйте, Владислав Олегович, – тем временем приветливо поздоровалась с Гарандиным мама Дины.

– Здравствуйте, Антонина Борисовна, – улыбнулся ей Влад, демонстрируя свою осведомленность, чем откровенно ее удивил.

– Берите кресло, – предложила ему Антонина Борисовна, – двигайте к кровати и присаживайтесь.

– Спасибо, – поблагодарил Влад. Он поставил на стол у окна пакет, который принес собой, передвинул, как посоветовали, легкое кресло поближе к постели больной и, присев, наконец обратил свое внимание на пострадавшую:

– Здравствуйте, Дина, – улыбнулся он ей и спросил традиционное в таком случае: – Как вы себя чувствуете?

– Как сбита́я машиной, – честно ответила она.

Что-то определенно неладное творилось с ней – она настолько сильно обрадовалась его приходу, что сердце бешено застучало, в голове стало как-то легко, а по телу прошла теплая, согревающая волна. И этот его голос... Какой замечательный у него голос, и глаза такие удивительные, как темный балтийский янтарь.

Они смотрели друг на друга, словно вошли в некое особое пространство на двоих, на какое-то короткое время забыв о присутствии Дининой мамы, с удивлением посматривающей на них, «зависших» в молчании.

И тут в пакете, который принес Гарандин и поставил на стол, что-то дзинькнуло, и он начал медленно заваливаться набок. И этот звук разорвал затянувшееся молчание. Влад поднялся с места, подхватил падающий пакет и пристроил понадежней.

– А ведь мы с вами встречались, Владислав Олегович, – произнесла с улыбкой Антонина Борисовна.

– Извините, не припоминаю, – возвращаясь в кресло, сказал Гарандин.

– Ну это понятно, – кивнула женщина, – в то время вы занимались весьма масштабными проектами и о малых своих деяниях могли и не помнить.

– Вы пострадали от моей деятельности? – ровным тоном поинтересовался Гарандин.

– Как раз наоборот, – понимающе усмехнулась Антонина Борисовна и пояснила: – Я возглавляю интернат для музыкально одаренных детей, под патронатом Московской консерватории и музучилища при ней. В самом конце девяностых наш интернат собирались закрывать в связи с аварийным состоянием зданий, в которых он располагается. Наше учреждение расположено в историческом центре Москвы и до сих пор является лакомым куском для многих деятелей,

мечтающих урвать такие площади. А уж тогда интернат откровенно и целенаправленно уничтожали. Как потом выяснилось, мэрия уже продала участок нашей земли кому-то из коммерсантов, естественно, получив громадные взятки, оставалось лишь довести разорение до конца. И что только тогда с нами не творили: и свет выключали, и отопление, и в конце концов признали здания аварийными, а ведь у нас детки. Талантливые, гениальные детки, и некоторые без патроната родных, сироты, а их собирались распределить по обычным интернатам. Настоящее преступление. Мы с коллегами и с несколькими преподавателями из консерватории, заручившись поддержкой известнейших музыкантов, выпускников консерватории, отправились на поклон к сильным мира сего. До правительства дошли, но нам дали только одно: милостиво разрешили поискать спонсоров на ремонт. Срок – полгода, в течение которых нас обещали не трогать. И мы пошли искать.

– Я так понимаю, что я был одним из спонсоров, которых вы нашли? – ускорил рассказ Влад.

Он не любил и всякий раз ощущал неудовольствие, когда в разговоре затрагивали его прошлую деятельность.

– Да, вы были одним из тех людей, кто откликнулся на нашу беду и помог, – кивнула, улыбаясь, женщина.

– Антонина Борисовна, – выдерживая ровный тон, поспешил разочаровать ее Гарандин. – Мои помощники в те времена приносили мне в день десятки и сотни запросов на спонсорскую помощь, и все, как правило, из разряда «вопрос жизни и смерти, последняя надежда». А мои советники и менеджеры выбирали из них те, которые могли быть полезны для имиджа и с которыми можно было правильно засветиться на телевидении и в массмедиа, и рекомендовали поучаствовать. Не стоит хоть сколько-то героизировать мой поступок, я очень далек от образа положительного героя, если не сказать наоборот.

– Ну то, что вы скорее злой гений, известно всей стране, – усмехнулась Антонина Борисовна. – Журналисты особенно постарались, создавая этакий ваш образ. Только с проектом восстановления и реконструкции нашего интерната вы не выступали ни на одной медийной площадке и вообще никак не обозначили свое участие в нем.

– Да это... – все ж не удержался и чуть скривился Влад, почесав от неудовольствия пальцем бровь, – не имело значения. Меня вообще тогда мало интересовали люди с их трагедиями и трудностями, Антонина Борисовна. Если моя помощь оказалась своевременной, достаточной и на самом деле стоящей, что ж, я рад, но я совершенно ничего не помню про ваш интернат, уж извините.

– А вы ведь приезжали несколько раз лично проверить, как идет ремонт, и участвовали в церемонии открытия после его завершения, – все вспоминала и вспоминала она. И вдруг попеняла ему: – Вы уж так строго себя не обличайте, Владислав Олегович. Разумные люди прекрасно понимают, что серьезные состояния так просто не делаются, и все же вы хоть и были в те времена моложе всех начинающих олигархов и известных бизнесменов, но всегда находились немножко над беспределом. Вы знаете, скольких бизнесменов мы обошли? В том списке были люди гораздо более состоятельные, чем вы тогда. Гораздо более, – повторила она со значением. – Так вот: бизнесменов было пятьдесят, откликнулось на наш крик о помощи только двое: вы и Дмитрий Федорович Победный[3 - Герой книги «Девочка моя, или Одна кровь на двоих»]. И оба не просто дали денег, как подачку, мол, отвяжитесь, а проверяли и контролировали процесс от начала до конца, пусть и через своих помощников, и вмешивались, когда что-то буксовало или делалось халтурно. И если бы не вы с Дмитрием Федоровичем, то не было бы сейчас у мира уникального голоса Верочки Старогиной, а Миша Шумской не стал бы лауреатом международного конкурса, и Юра Балабин не был бы солистом Большого театра, и еще очень многие талантливые ребятки не смогли бы стать музыкантами. И это не преувеличение, поскольку если ежедневно не заниматься предметом с грамотным преподавателем, то не получится настоящего, сильного музыканта.

– Спасибо, – коротко ответил Гарандин.

И непонятно было, за что поблагодарил: за напоминание о его человеческом участии в том давнем проекте или за то, что женщина наконец-то замолчала.

«Как же я его не узнала-то, а? – думала Дина, удивленно разглядывая его откровенным образом. – Как же странно, что не вспомнила и не признала в нем того самого Гарандина. Даже услышав фамилию, не вспомнила. Он, конечно, изменился, но не настолько же сильно, чтобы не узнать».

У них в семье, пока шла реконструкция и ремонт интерната, Гарандин с Победным были постоянной темой разговоров, просто героями. И Дина знала всю

доступную, которую можно было достать без не существующего тогда интернета, информацию о каждом из этих бизнесменов и читала статьи о них, и старалась не пропускать интервью на телевидении, которые они давали.

Ей было любопытно, на самом ли деле эти люди настолько лишены любых моральных устоев, ограничителей, что ради прибыли готовы на любой криминал, на убийства и самое грязное мошенничество, как трубили, яростно обличая зарождающуюся олигархию и бизнес-элиту страны, в те времена все газеты и телевизионные обозреватели. А они, эти самые без моральных устоев, оказывается, вон дали средства на восстановление интерната и маминым ребятам помогли: одели-обули, оплатили участие в конкурсах европейских, новые инструменты купили. Дома тогда частенько, бывало, обсуждали с отцом и его друзьями эту самую олигархию. Тогда они вообще много чего и горячо обсуждали, а толку-то в тех обсуждениях?

И на тебе – вот так встретить, столкнуться в самом что ни на есть прямом смысле и не вспомнить, не узнать.

Впрочем... Что ей был тот далекий и недостижимый, как неосвоенный космос, господин Гарандин в те времена? Ничего.

– Вам неприятна эта тема? – сообразила Антонина Борисовна.

– Предпочитаю жить сегодняшним днем, – уклончиво ответил Владислав Олегович.

– Простите, – стусевалась Антонина Борисовна, – я несколько увлекаюсь и слишком живо реагирую, когда разговор заходит о нашем интернате и наших детках. Это профессиональная деформация, как классифицирует столь сильную вовлеченность в работу мой муж.

– А в свете сегодняшних реалий, – быстро перевел разговор Гарандин, – хотелось бы узнать, как чувствует себя пострадавшая.

– Хреново, – тут же отозвалась пострадавшая и пожаловалась: – К тому же мне запрещено читать, смотреть телевизор, пользоваться телефоном и Интернетом и вообще что-либо делать. Нужно просто тупо лежать, желательно не двигаясь. Это ужасно. Я никогда даже представить себе не могла, что ничего не делать –

это такая жесть невозможная. – И усмехнулась: – Наоборот, долгие годы уставала и выматывалась так, что мечтала только об одном: полежать, ничего вообще не делая, даже не шевелиться и только отдыхать. Как-то все же надо осторожней со своими желаниями, а то мечты, оказывается, сбываются.

– А общаться вам разрешено? – улыбнулся Влад.

– Ограниченное количество времени, – жалобно вздохнула она.

– Ох ты господи! – Антонина Борисовна торопливо поднялась со стула, засобиравшись, засуетилась. – Я-то что сижу? Мне же на работу. – И, наклонившись к Дине, расцеловала дочь. – Вечерком приду. – И выпрямилась, повернувшись к Гарандину: – Очень рада личному знакомству, Владислав Олегович, и благодарю за то, что сумели не убить Дину.

Гарандин поднялся из кресла, когда женщина обратилась к нему.

– Я не делал этого осознанно или намеренно, – отказывался он от неуместной, как ему казалось, благодарности, – а действовал исключительно интуитивно.

– И тем не менее, – мягко возразила ему Антонина Борисовна, – вы приложили максимально возможные усилия, чтобы не убить Дину. За это я вас и благодарю. – И не удержалась-таки: – И за спасение нашего интерната, хоть вам это напоминание и не по душе.

Влад кивнул, принимая благодарность и прощаясь, постоял, дождавшись, когда женщина выйдет из палаты, и только тогда сел обратно в кресло.

– Маменьку на самом деле заносит, стоит заговорить о ее интернате, – извиняющимся тоном произнесла Дина, – а вообще, это так странно, что я вас не узнала и не вспомнила. Мы же тогда часто о вас говорили, да и вообще вы не сходили с экранов телевидения, с газетных полос и журнальных обложек.

– Меня сильно тяготят отголоски моей былой известности, поэтому давайте, Дина, оставим уже эту тему и поговорим о вас, – предложил он.

– А что обо мне? – удивилась такому предложению она.

– Ужасно выглядите, – прямолинейно сказал он.

Да, ужасно, Дина аккуратно перед его появлением успела рассмотреть себя в зеркало, которое принесла в числе прочих ее вещей мама, – полный кошмар! Рука под повязкой раздулась и приобрела устойчивый сине-фиолетовый цвет, нога и весь правый бок... ну они, слава богу под одеялом, а вот лицо... – полотно сюрреалиста-затейника: от удара и травмы головы правое ухо раздулось и посинело, правый висок и все вокруг глаза постепенно наливалось синюшным цветом, а кожа приобрела какую-то болезненную желтизну, оттеняя и подчеркивая синеву, расползающуюся справа.

– Трудно выглядеть нежной розой, когда у тебя сотрясение мозга, разбита голова и половина тела составляет сплошной синяк, – ворчливо напомнила Дина.

– Не переживайте, Дина, – посмеиваясь, успокаивал ее Гарандин. – Моя мама, например, уверяет, что девушке плохо быть слишком привлекательной и красивой, от этого у нее пропадает чувство юмора и реальности.

– Вряд ли ваша маменька имела в виду такую степень непривлекательности, – все ворчала Дина, с нажимом произнеся «такую», и язвительно поинтересовалась: – Вы зачем пришли, Владислав Олегович?

– По-моему, это очевидно, – отчего-то развеселился тот. – Навестить пострадавшую девушку, узнать, как ее здоровье.

– Вы навестили меня вчера, соблюли, можно сказать, все правила хорошего тона, принятые в такой ситуации. Даже познакомились с моими родными, которые поблагодарили вас и определенно дали понять, что не имеют к вам никаких претензий, а ровно наоборот, благодарны за мое спасение. Так зачем вы пришли, Владислав Олегович?

Он смотрел на нее, ужасался и на самом деле болезненному виду девушки, тихо млел от этой ее язвительной ворчливой колкости и думал, что больше всего на свете ему сейчас хотелось бы лечь с ней рядом, обнять, осторожно прижать к себе, не дотрагиваясь до ее синяков, порезов и ушибов, чтобы успокоить, подбодрить, передать ей свои силы, но главным образом для того, чтобы самому почувствовать ее в своих руках, своей, закрыть глаза, вдохнуть ее запах и так и лежать не двигаясь. Долго, прочувствованно, плавясь в ощущении ее близости.

– Мне очень хочется вас обнять, – не удержался Влад, так поделившись своими мыслями: – Подбодрить, посочувствовать.

– Это сложно было бы осуществить, – сказала Дина, не ожидавшая столь сильного признания. – В данный момент на мне больше синяков и царапин, чем неповрежденных мест на теле. – И, опомнившись, заметила: – Вы... странные вещи говорите, Владислав Олегович.

– Я встречался в Кнуровым, – совсем иным, каким-то ровным, лишенным эмоций тоном сообщил он так, словно говорил о том, что на улице подмораживает.

– С Сергеем Викторовичем? – поразила Дина, не успев еще опомниться от предыдущего его заявления про обнять и подбодрить.

– С ним самым, – подтвердил Влад.

– Вы знакомы? – никак не могла взять в толк, о чем он пытается ей сказать, Дина.

– Да, пересекались было по делам много лет назад, – ушел от прямого ответа Гарандин.

– Так вы по делам с ним встречались? – настороженно выясняла девушка.

– Да, по делам, – кивнул легонько Гарандин, – по вашим делам.

– Каким? Зачем? – снова напряглась Дина, почувствовав тут же, как напомнила о себе успокоившаяся было боль в голове.

Гарандин подался вперед, облокотился на колени, оказавшись таким образом вдруг совсем близко к Дине, внимательно посмотрел ей в глаза и пояснил:

– Вчера в коротком разговоре с отцом и сыном вы упомянули, что вам угрожает какой-то человек. Мне надо было узнать, почему вам угрожают, кто эти люди и степень серьезности их угроз. Проще всего было спросить об этом человека сведущего, и я позвонил Кнурову.

– Но зачем? – откровенно недоумевала она, не понимая столь пристального интереса к ее жизни. – Вам-то это для чего?

– Мне кажется, что вы понимаете, зачем. – Гарандин все смотрел ей прямо в глаза очень непростым, сосредоточенным взглядом своих темно-янтарных глаз.

И от этого его взгляда и слов, произнесенных тихим многозначительным, наполненным особым смыслом голосом, у Дины пробежали мурашки по спине и по телу прокатилась горячая волна.

– Я так и думал, – кивнул он, прочитав все правильно в ее глазах, в выражении лица и уловив поразительную реакцию ее тела.

– Но... это что-то... – недоуменно приподняв плечи, пыталась подобрать определение происходящему с ней... с ними Дина.

– Чего только не бывает в жизни, – ободряюще улыбнулся Влад. – Мне приходилось не раз сталкиваться с совершенно необъяснимыми явлениями.

– И что теперь? – растерянно смотрела на него Дина.

Странное дело, они словно договаривали друг за другом недосказанные мысли, не нуждаясь в лишних словах и объяснениях, как будто знали друг друга долгие годы и давно уже научились понимать и слышать друг друга без слов.

– Теперь ты будешь лежать и восстанавливаться, – незаметно и как-то органично-естественно для обоих Гарандин перешел на «ты», – а я буду приходить к тебе утром и вечером, и мы станем разговаривать и рассказывать друг другу о себе. Пока так.

– Пока так ... – повторила она эхом за ним и прикрыла глаза

– Что? – обеспокоился он и пересел с кресла на край ее кровати. – Голова болит? Плохо? Может, позвать сестру?

– Голова болит, – открыв глаза, посмотрела на него Дина, – сильно, но в пределах нормы. Просто все это... – Она неопределенно покрутила в воздухе

здоровой рукой, не зная, как описать то, что чувствовала, и так же естественно, как и он, перешла на «ты»: – Все это так внезапно случилось, а ты так легко...

– Принимаю то, что с нами происходит, – договорил он за нее и спросил: – А ты?

– У меня сотрясение мозга, мне простительно, легко могу списать любые душевные трепетания на это. Плюс мне еще препараты колют.

– Ты лучше не напрягайся, это вредно в твоем состоянии, – заботливо посоветовал Влад, – отпусти ситуацию и разреши всему идти, как идет. А там посмотрим, что будет.

– Хорошо, – легко согласилась она, не отрывая взгляда от его глаз.

Помолчали, глядя друг на друга. Он наклонился к ней и с какой-то проникновенной нежностью поцеловал в лоб и совсем осторожно в веки – сначала в желтое, а потом и в синее.

– Выглядишь ужасно, – повторил Влад, разглядывая ее лицо совсем близко.

Гарандин приходил к Дине в больницу, как и обещал, каждый день утром и вечером. И они разговаривали, тоже, как он и обещал. Первые дней пять его визиты были непродолжительными, не больше часа, поскольку доктора не приветствовали долгие разговоры и общение с больной, да и Дине, откровенно говоря, было сложно поддерживать длительную беседу. Если кто, к своему счастью, не знает – сотрясение это такая неприятная фигня с гадкими побочными эффектами, с временным нарушением нейронных связей в мозгу и запретом нагружать голову. В том смысле, что задачи решать категорически не рекомендуется, как и нервничать, эмоционально перегружаться и напрягать зрение и слух.

Вот она и не напрягала. Влад умело управлял их беседами, задавая вопросы в основном про детство и юность Дины, про родню, как-то так выстроив общение, что никаких серьезных и болезненных тем они не касались.

Папенька таки слово свое суровое отцовское сдержал, и через неделю на специальной машине для транспортировки больных сопротивляющуюся и возмущающуюся такой гиперзаботой Дину таки перевезли в клинику, где он трудился.

Поучаствовав в громкой и шумной эвакуации больной, в основном уговорами и смехом, Гарандин уехал на сутки по срочной деловой надобности, а вернувшись, привез какие-то совершенно потрясающие, наисвежайшие сыры, в основном козы, мед, обалденные бочковые соленья, сделанные по старинным рецептам, сушеные ягоды, грибы и много еще всяких щедрых даров фермерского хозяйства.

Наугощал и презентовал всему медперсоналу отделения, которым заведовал Нагорный, и, конечно, побаловал Динку, обожавшую именно козы сыры. Надо заметить, что он ее и до своего отъезда постоянно баловал всевозможными деликатесами. А она ничего – ела за милую душу вместе с сыном и дочерью, постоянно толкавшимися у нее в палате.

Состояние Дины стремительно улучшалось, Влад стал проводить с ней гораздо больше времени, и теперь их беседы и откровения затягивались на несколько часов.

Первые, наверное, день-два родители Дины тушевались, особенно мама, чувствуя себя скованно, а отец все больше удивлялся, встречая в ее палате Гарандина. Они привычно воспринимали его как личность известную и откровенно недоумевали, что, собственно, он тут делает. И с чего бы человеку такого уровня ходить и навещать каждый день, да еще и по два раза, их дочь.

Но Константин Павлович со своей особой медицинской простотой нравов быстренько забил на всякий политес, статусность и все прошлые регалии господина Гарандина и общался с ним запросто, как с хорошим знакомым, правда, до определенных границ, разумеется, без лишнего панибратства.

Зато детям Дины – Кириллу и четырнадцатилетней Сонечке – было глубоко фиолетово на все статусы и регалии господина Гарандина, хоть былые, хоть настоящие, хоть возможные грядущие – они принимали его самого и его плотное участие в маминой жизни как нечто нормальное и естественное, нисколько не смущаясь и не чувствуя никакой неловкости перед ним. Дина только диву

давалась простоте установившихся между детьми и Владом отношений, тихо радуясь про себя, что детки хотя бы сдерживаются и не используют при нем свои излюбленные подколы, язвительные подковырки и шуточки, не позоря мать родную и всю семью заодно.

Недолго, правда, радовалась. День на третий дети, видимо, решив, что вполне достаточно побыли хорошими и правильными – хватит, оторвались от всей души в своей привычной манере подколов, поддевок и своеобразного юмора.

А Гарандин ничего, посмеивался над их приколами и шуточками, похохатывал, принимал все их «подачи» и так «отбивал»-отвечал, что детки рты открывали. А Дина расслабилась, увидев, что такая манера общения с Кириллом и Соней Влада совершенно не напрягает, хотя и очень тонко, как бы незаметно, легко и непринужденно, с шуточками и ответными подковырками, он очертил определенные рамки, за которые не следовало заступать. Сонька-то по малолетству не поняла, только почувствовала эти границы своим чутким детским восприятием, а Кирюха и понял, и почувствовал, и оценил по достоинству.

Он и так-то не скрывал своего повышенного уважения к этому мужчине, особенно после рассказов деда с бабушкой, кем был в прошлом Гарандин, но в еще большей степени впечатлившись его мастерству вождения, а тут, как выяснилось, – и юмор у мужика на все сто, и в темах он, и в любых современных фишках сечет, да еще... В общем, проникся парень респектом к Владу всерьез.

Но отдельное, огромное спасибо детям, что они ни разу не сунулись к Владу и к самой Дине с подковыристыми, въедливо-язвительными расспросами на тему как бы повисшего в воздухе, естественно напрашивающегося вопроса: а что, собственно, этот мужчина так часто и так плотно делает в палате у их матери.

Сам Гарандин же ни намеком не обозначал своего отношения к Дине в присутствии ее родных и друзей. Стена.

Все терялись в догадках, Дина молчала, и родители до поры помалкивали, лишь недоуменно переглядывались по поводу столь явного внимания и заботы со стороны господина Гарандина к их дочери. Но недолго терпели затянувшуюся неопределенность и вскоре начали делать многозначительные лица и тонкие, как им казалось, намеки, а уж после фермерских подарков больше не

сдерживались и стали позволять себе прямолинейные высказывания.

- Влад твой сегодня что-то запаздывает, - как бы мимоходом заметил батенька, осматривая во время утреннего обхода дочь.

- Ты считаешь, что мой? - со всей серьезностью спросила Дина.

Константин Павлович посмотрел на нее очень внимательным, сосредоточенным взглядом и честно ответил:

- Он так себя ведет и позиционирует. Говорить ничего конкретно не говорит, руки твоей у меня не просил, но его поступки и эта его повышенная забота о тебе со всей очевидностью указывают на то, что у него серьезные намерения и ты важная для него женщина. Я так это вижу и понимаю. И не я один.

- И что ты думаешь по этому поводу?

- Видишь ли, дочь, - вздохнул с нарочитой усталостью Константин Павлович, - главное, что ты думаешь и чувствуешь по этому поводу. А я буду рад любому нормальному мужчине, если он сможет убедить тебя бросить твое занятие и оставить твой Центр. Почему-то мне кажется, что у господина Гарандина для этого есть характер, умение убеждать, достаточная сила воли и мотивация.

- И тебя не смущает, кем он был и что про него говорили и писали? - спросила она с большим интересом.

- По большому счету, пофиг, - отмахнулся Константин Павлович, - как-то мало верится во все, что тогда писали и говорили. Про меня, если помнишь, в свое время тоже много чего писали и говорили: прямо-таки врач-убийца, маньяк со скальпелем, после того, как депутат с двумя сквозными огнестрелами, несовместимыми с жизнью, у меня на столе помер.

- Ну так то депутат, - протянула Дина.

- А то Гарандин, - возразил ей отец. - Что твой депутат по сравнению с ним в те годы. Хотя, конечно, парень он жесткий, и грехов на нем, понятное дело, предостаточно. А на ком их нет, - тяжело вздохнул Нагорный и

поинтересовался: – А ты что, дочь, со всей ответной пылкой страстью к нему?

– Шли бы вы, папенька, больных обходить, – посоветовала ему Дина. – Какая ответная страсть, лежу тут вся травмированная, а вы о телесном.

– Значит, пока исключительно в духовном смысле пребываете, – хохотнул Константин Павлович, поднимаясь со стула, и посоветовал ей то же, что Гарандин неделей раньше: – Не напрягай мозг, не гоняй лишние вопросы в голове, отпусти ситуацию, пусть все идет, как идет. Жизнь все расставит по своим местам. Там посмотрим, что дальше будет.

Наклонился, поцеловал в лоб, погладил по голове и вышел из палаты, проводить осмотр больных, как ему и советовала дочь родная.

А Дина осталась, задумчиво уставившись на кусочек неба в окне, доступный ее взгляду.

Ей все еще не разрешали читать-писать, смотреть телевизор и пользоваться гаджетами, но ведь думать никто не мог ей запретить, даже она сама.

Вот она, лежа на больничной койке, и вспоминала.

Дина родилась, когда ее отец, Константин Павлович, проходил интернатуру в Склифе, а мама училась на четвертом курсе консерватории по классу преподавания на клавишных и струнных инструментах.

Оба молодые, юные, необычайно одаренные и влюбленные до самозабвения каждый в свое дело, талантливые москвичи приблизительно одного социального статуса.

У Тонечки родители люди творческие – мама режиссер музыкальной редакции на радио, а папа виолончелист в оркестре Московской филармонии, заслуженный деятель искусств, и она их единственная дочь. А вот Костя третий и очень поздний ребенок в семье, мама родила его, когда ей уж за сорок перевалило, а отцу Павлу Степановичу стукнуло пятьдесят.

Старшему брату за день до рождения Константина исполнилось ровно двадцать лет, а среднему было семнадцать. «Последыш» называли Костика в семье и очень любили, баловали всячески, но и строгость соблюдали, по-мужски воспитывали. Вся Костина родня так или иначе, напрямую или косвенно, имела отношение к медицине. Отец – Павел Степанович, прошедший всю войну полевым хирургом, известный всей Москве уролог, мама – терапевт с огромным стажем, так же, как и муж, прошла всю войну по госпиталям, старший брат учился в Первом меде, а средний брат заканчивал школу и собирался поступать туда же.

К моменту, когда родилась Дина, старшие сыновья Нагорных уже давно вылетели из «гнезда», и не только успели «опериться» и «встать на крыло» (как говаривал дед Павел, имевший привычку расцвечивать свою речь метафорами), но и изрядно подрастерять то оперение, достигнув солидного возраста. Старший Иван жил в Красноярске и был главврачом районной больницы, средний Сергей заведовал отделением в Первой градской больнице и давно жил отдельно от родителей своей семьей с женой и дочерью. И с невесткой среднего сыночка у Василисы Андреевны отношения как-то не сложились – уж больно та была заносчивой и с большой претензией к жизни. Ну, не сложились и не сложились, что уж теперь сделаешь, жаль только, что с внучкой из-за этого старики практически не виделись.

Зато в младшей невестке Тонечке Василиса Андреевна души не чаяла, полюбив и приняв безоговорочно не только жену Костика, но и всю родню Тонечки с первого же знакомства. А уж про Дину и говорить нечего – самая любимая, самая ненаглядная и родненькая внученька! Ну а раз так – получите: и забота, и воспитание Дины целиком и полностью легли на бабушку Василису, давно вышедшую на пенсию, – «бабуля Васюля», как называла ее Дина.

Квартира, в которой жили Нагорные, была большая и просторная – три комнаты, высоченные потолки, огромная, бестолково спланированная, но любимая всеми именно за свою бестолковость и угловатость, кухня и «прислужный закуток», как называл дед Павел темную восьмиметровую комнатушку, из которой устроили толковую гардеробную комнату. Просторы для маленькой Динки идеальные – хоть на велике катайся, хоть в прятки-ловитки играй, хоть разрабатывай легкие, перекрикиваясь через все комнаты, как на улице, – красота!

К тому же бабушка Васюля оказалась совершенно уникальным воспитателем, глубоко убежденная в том, что ребенку надо многое позволять, тогда у него отлично развивается мозг. Она и позволяла, до пределов, разумеется, определенных и не без строгости в некоторых вопросах, но ни разу в жизни Дина не слышала, чтобы бабушка повысила на нее голос или отчитала, поругала за что-то, не говоря уж о том, чтобы шлепнуть ребенка, – в семье даже такого понятия не существовало, как физическое воздействие на человека. Исключительно диалог.

Хорошо они тогда жили. Так хорошо!

Вспоминала прямо со слезой свое воистину золотое, беззаботное и счастливое, и какое-то наполненное, что ли, детство Дина, лежа на койке.

Она себе жила-росла и училась, бабушки ее заделались сразу же близкими подругами, невзирая на более чем двадцатилетнюю разницу в возрасте, и развивали ребенка каждая в своем направлении. Бабуля Васюля делала упор на точных науках и литературе, а бабушка Лида отвечала за музыкальную культуру. Красота! Две бабушки и внучка ходили втроем в консерваторию и в планетарий, в зоопарк и Зал Чайковского, в ТЮЗ и на аттракционы, и бог его знает куда еще они только не ходили и не ездили с целью развития ребенка и приобщения его к культурным ценностям, к немалому удовольствию и самих бабушек. Все исторические места изучили и обходили пешком, побывали и в музеях, и на выставках, и на концертах, и на спектаклях. А после мероприятия – в кафе!

Это вообще балдеж, который Динка обожала, – бабульки ее обязательно чинно так попивали кофе и делились впечатлениями о только что проведенном культурном мероприятии, вовлекая в обсуждение и внучку, лопавшую мороженое, которое она запивала соленым томатным соком – самое любимое лакомство, от одного вида которого у несчастных бабулек скулы сводило, но они стойко интеллигентно держались.

Господи – красота-то какая!

А дома частенько собирались друзья и знакомые бабушки-дедушки Нагорных, в число которых входили люди знаменитые и известные, и всегда было весело, шумно, интересно и ужасно вкусно. Бабушка Лида садилась за фортепиано, а

дедушка Боря подыгрывал ей на своей прекрасной виолончели. И под этот великолепный аккомпанемент пели и танцевали гости, и снова пели, выпивали, смеялись, шутили и снова танцевали...

Ах, как же здорово они тогда жили! Как же здорово!

Почему, ну почему все самое хорошее и все самое замечательное в жизни так стремительно, так несправедливо быстро заканчивается, а плохое, тяжелое задерживается надолго.

Развалился Союз, и пришли разрушительные девяностые, ударившие и по их семье, и по всем гражданам этой страны, правда, с разной интенсивностью, ведь, как известно, кому война, кому мать родна.

Им вот выпала «война».

Константин Павлович – гениальный, совершенно уникальный врач общей и экстренной хирургии, служивший в НИИ Склифосовского, как-то очень быстро и почти сразу, еще с девяностого года, вдруг стал получать такие жалкие копейки вместе со всеми медиками страны, что прокормить семью на них не было смысла даже и пытаться. А мама Тоня, к тому моменту уже возглавившая интернат, билась на той работе беспросветно, с утра до ночи, стучась в разные инстанции и обивая пороги государственных учреждений, пытаясь сохранить интернат, учеников и уникальный преподавательский состав, изворачиваясь чудесами какими-то, чтобы выбить хоть малую зарплату и финансирование.

Дед Павел умер в девяносто третьем, уж после очередного переворота и расстрела Белого дома, когда Динке исполнилось одиннадцать, в возрасте восьмидесяти пяти лет. И умер очень мирно – заснул, сидя в кресле и читая очередную «разоблачительную» газетную статью, поливающую все его прошлое помоями, и так и не проснулся.

Тихо и мирно, уже не тревожась страстями нового времени.

Бабушка Васюля очень тяжело переживала уход любимого мужа и как-то быстро начала сдавать, все чаще болея, и Костя с Тоней настояли и уговорили, чтобы мамыны родители – дед Боря и бабушка Лида – переехали к ним. Те согласились, не заставили себя долго уговаривать, и зажили они теперь совсем уж полной

семьей, к которой присоединялись дети из маминого интерната. Антонина Борисовна постоянно приводила пожить каких-то своих подопечных, кто-то задерживался на несколько месяцев («Надо бы ребенка подкормить», – шепталась она с папой на кухне), а кого-то оставляла лишь на выходные. Одним словом, все те тяжелые времена ее одаренные ученики не переводились у них в доме. А квартиру маминых родителей они очень удачно сдали, хоть какое подспорье при тех-то «веселых» реалиях.

Жили, как подавляющее большинство населения страны в девяностых, – трудно, с натугой, не зная, что ждет завтра, считая копейки, в режиме бесконечной, затяжной экономии. Зато дружно, с юмором и шутками – так получалось легче выживать, когда с шутками-то.

У бабушки Лиды совсем плохо стало с работой, повылазили, как грибы после дождичка, одна за другой какие-то новые радиостанции, молодые, острые, безбашенный, с новыми модными ведущими и тенденциями, интересующиеся исключительно современной музыкой, не нуждавшиеся в музыкальном редактировании. Помыкалась Лидия Юрьевна, пытаясь пристроиться в разные места по своей профессии, немного на телевидении поработала, за копейки почти, и дети настояли, чтобы она выходила на пенсию – хватит уже, наработалась. К тому же за Васюлей уход требовался, она стремительно сдавала, да и Динка без присмотра – уговорили.

Основными добытчиками стали дед Саша и Костя. Дед гастролировал с оркестром, и им таки что-то платили, бывало, неплохо, а Костя иногда брал взятки – куда ж без этого. Фильтровал, конечно, взяткодателей, принимал только у так называемых новых русских и достаточно обеспеченных граждан, категорически отказываясь от любой подачи от «братвы», и никогда не «взимал» с малообеспеченных и простых граждан.

Да и то смешно сказать – «взятки»! Во-первых, далеко не каждый день и не каждую неделю, а то и месяц ему конвертики в карман халата совали, и он же не пластический какой хирург, и не в клинике дорогущей работает, где по тарифу даже вход с выходом. Он трудится в экстренной хирургии и оперирует-спасает всех подряд, не разбираясь, какого они роду-племени, не выясняя их платежеспособность до того, как они окажутся у него на столе. И только позже, если больной пошел на поправку, родственники благодарят врача, спасшего их близкого человека, вручая тому благодарность в денежном эквиваленте. А он, в свою очередь, делится со всей своей операционной бригадой. Вот как-то так.

– А как ты стала матерью в столь юном возрасте? – спросил Гарандин у Дины во время одного из разговоров «за жизнь».

– Как водится в такой ситуации, случайно и «так получилось», – усмехалась Дина, вспоминая это самое «так получилось».

Она вполне реально, по-человечески дружила со своим одноклассником Мишей Зининым. Точнее, не она одна дружила – была у них сплоченная компания единомышленников, пять человек: трое парней и Дина с верной и самой близкой подругой Катюхой. Ничего эгоцентричного, криминального и подростково-экстремального, никаких протестов взрослым и нигилизма во всяком его проявлении. Просто у деток совпадали взгляды на жизнь и был талант остро, порой колко и язвительно пошутить.

Ну и, разумеется, группа сплотилась, сбегая с уроков, просматривая запрещенную эротику и боевики на видеке у Витьки дома, у которого родители «челночили» по тем временам очень даже неслабо. Пробовали себя в качестве курильщиков – не понравилось, кстати, всем, и вино-пиво пробовали, а как же без них-то. И целоваться-обниматься по подворотням, не минули и этого.

Но дальше поцелуев и тисканья не заходили, во-первых, потому что все учились вполне серьезно и все пятеро собирались поступать в непростые вузы, а во-вторых, потому что, вот не поверите, девочки были правильно воспитаны. Да и парни все трое из вполне благополучных и адекватных семей, с нормальными родителями и тем же нормальным воспитанием. Гормоны, разумеется, шибали всех, и настроение скакало, как ему и положено в этом возрасте, но вложенной в деток родительской любви хватило, чтобы не ринуться во все тяжкие, куда призывно манили реалии времени и наступившая в стране полная вседозволенность с криминальной романтикой.

Но на выпускном балу Дина с Мишей, выпив с одноклассниками за школой шампанского и зацеловавшись от избытка радостных чувств до легкого головокружения и полной бесшабашности, решили продолжить – а-а-а, начинать так начинать взрослую жизнь! И сбежали с шумного мероприятия, не сев вместе со всеми выпускниками на катер кататься по Москве-реке.

А прихватив початую бутылку шампанского, поймали такси и поехали в квартиру Динкиных бабушки-деда, так неудачно... или, наоборот, удачно, пустовавшую в это время – предыдущие жильцы съехали, а новых еще не нашли. Где и осуществилась, так сказать, их любовь.

Дина пошла в первый класс в шесть с половиной лет, соответственно и школу она окончила в шестнадцать.

Впереди ждало поступление, о котором она совершенно не переживала и не беспокоилась вот ничуть, точно зная, что поступит.

Дальнейший жизненный путь Дины родные определяли методом наилучшей предрасположенности. Понятное дело, что при таких раскладах – половина семейства музыканты, а другая половина – медики, выбор был очевиден с самого рождения.

Но поскольку, к великому разочарованию мамы и ее родителей, музыкальными дарованиями ребенок не блистал, порадовав лишь великолепным слухом и категорически отказавшись уже в третьем классе музыкалки продолжать и дальше эти мучения и издевательства над собой, выбор дальнейшего развития девочки стал очевиден всем.

Всем, кроме самого ребенка.

Хочет ли она стать медиком? А вот как вам сказать...

Поэтому решили, что пусть девочка поступит для начала в медицинское училище, вернее, уже колледж к тому времени, а там посмотрим – и сама определится, и отец присмотрится к ее успехам, подскажет, стоит ли двигаться по этому пути дальше. Тем более что у семьи, увы, были довольно скудные финансовые возможности, и, честно говоря, институт-то они могли и не вытянуть.

Динка и поступила, легко и без затей, и начала с удовольствием учиться, влилась в новый коллектив, приноровилась к новому режиму и новой форме обучения.

И ба-бах тебе – беременность! И з-з-здрасте, не ждали! А мы вот...

– Как же так? – обалдела до оторопи мама, когда папенька, проведя обследование дочери в своем Склифе, вернулся вечером домой и сообщил потрясающую новость, хлопнув пачку анализов на круглый обеденный стол в кухне.

– Тонечка, – поинтересовался он с наигранной непосредственностью, – тебе сам процесс объяснить? Не думаю, что он сильно отличается от обычного, хотя... – протянул Константин Павлович и задумчиво посмотрел на дочь, – черт их знает, молодежь эту, может, достигли каких-то новых, небывалых открытий в этом вопросе. – И полюбопытствовал, старательно сдерживая улыбку: – А, доченька, Диночка, мама вот спрашивает: «Как же так?» Может, как-то особенно?

– Так получилось, – приподняв плечи и разведя ручки в стороны, скривилась Динка и уточнила, как именно: – Случайно.

– Значит, ничего нового, – констатировал папа, начиная тихо посмеиваться, – все как обычно. А ты, Тонюшка: как, как?

Виновника Динка сдала сразу же, без каких-либо мук совести. Семью Мишки и его самого тут же оповестили о беременности по телефону, не откладывая дело в долгий ящик. И уже на следующий день у Нагорных собрался Большой совет, в состав которого вошли все Динины родные во главе с Васюлей, Мишины родители и сам будущий папашка, все тушевавшийся; видать, уже имел «горячую» разъяснительную беседу с родителями.

Но ничего такого уж страшного не произошло – посоветовались и без особых дебатов и долгих прений договорились до здорового компромисса: ребенка рожать, а детям совершенно не обязательно из-за этого гробить свои жизни и будущее, и жениться не обязательно, тем более не Ромео с Джульеттой, и большой любви промеж ними как-то не наблюдается.

– Или у вас любовь такая сильная, неземная случилась-таки? – переспросила Васюля, сурово посверлив взглядом внуку и виновника ее положения.

– Нет! – в один голос признались дети.

Ну на нет, оно, как известно, и суда нет. Помогать всем, чем могут, родители Миши и сам Миша обязались с готовностью, не отказывались, на том и сошлись.

Дина родила Кирюшку в апреле, посещая занятия в колледже до самых родов, которые там, в колледже, у нее и начались, переполошив всех преподавателей и сорвав занятия в двух группах. А родив, взяла академический отпуск и на следующий год восстановилась снова на первый курс. Но, поскольку она сдала, между прочим, исключительно на отлично все предметы и зачеты почти за весь курс, то ее освободили от посещения лекций и практических занятий, обязав лишь во время сессии приходить и подтверждать знание предмета.

- Таким образом и получилось, - рассказывала Дина Владу, - что я год просидела с Кирюшкой дома и кормила его весь этот год. И сбежала в учебу с огромной радостью. Кстати, - улыбалась она ему, и лицо ее просветлело от тех теплых воспоминаний. - Я училась и заканчивала колледж вместе с Асей Волхонской[4 - Героиня романа «Руки моей не отпускай»]. Уж ее ты точно знаешь и помнишь.

- Помню, - немного сдержанно улыбался Влад, - еще бы не помнить, я давал ей интервью несколько раз, и она делала про нас с Максом острый, местами обличительный, местами хвалебный большой репортаж.

- Аська, она такая, - рассмеялась Дина, - мы с ней по-настоящему дружили в колледже и дружим до сих пор. Но не близко-близко, - перестала улыбаться она, - в силу специфики моей деятельности я вообще мало с кем теперь дружу, чтобы не подставлять людей. Но про наши дела Аська тоже острые репортажи делала, пока не ушла из профессии. Она редкая молодец. Ты ее книги читал?

- Нет, - признался Гарандин.

- А я читала. - И повторилась: - Она молодец. Парня такого родила щекастого, умненького. Сейчас снова беременна, девочку ждут.

Динка погрузилась в учебу, а Кирюшу вырастила и воспитала прабабушка Лида. Нет, разумеется, вся семья принимала самое активное участие в воспитании малыша, но основная забота о ребенке, о Васюле и о доме-хозяйстве легла на плечи Лидии Юрьевны.

А остальные члены семейства все в работе – дед Борик продолжал разъезжать по гастролям, невзирая на свои шестьдесят пять; мама пропадала, дневала и ночевала, только не поселившись в своем интернате, который как раз начали отстраивать и ремонтировать; отец, ну это понятно, – его они видели урывками и в основном спящего между дежурствами: полторы смены и приработок на стороне ухайдакают кого угодно. А Дина вместе с подругой своей, боевой Асей, на четвертом курсе колледжа устроились работать на одну подстанцию «Скорой помощи» в статусе медсестер, и пропала она для семьи и ребенка напрочь.

Домой приползала, как и отец, только поспать, падала в кровать трупиком, а просыпавшийся ранним утром Кирюшка самостоятельно выбирался из кровати, писал на горшок и залезал к маме под бочок, так они и досыпали еще часик-полтора. И это было единственное время в сутках, когда Дина могла пообнимать, расцеловать сыночка и побыть с ним хоть чуть-чуть, никуда не убегая и не опаздывая.

Так и жили. Перед самыми выпускными экзаменами Дины в колледже умерла бабуля Васюля. Последние три месяца она уже лежала, не вставала, обессиленная старческой немощью и болезнями. А ушла тихо, мирно, как и дед Павел – во сне.

– Благословил Господь, пожалел, – сказала про ее тихую смерть бабушка Лида, когда нашла ее утром, уже холодную, с застывшей улыбкой на губах, и заплакала.

После окончания колледжа пути подружек разошлись – Ася поступила в мединститут, как и мечтала, и продолжила учебу. А Дина поступать не спешила – захотелось ей отдохнуть хоть годик от напряженной жизни, нормально общаться с ребенком и проводить с ним хоть сколько-то времени, а то вон ему уже четыре годика, а мать родную скоро узнавать перестанет, потому что практически не видит. Вот как-то перевести дух и не мчаться в институт между дежурствами, не сидеть ночами над учебниками и тетрадями, отрубаясь от бесконечной хронической усталости, – так решила для себя Дина и не спешила продолжать учебу, оставшись работать в «Скорой помощи», но уже в должности фельдшера.

Как-то холодной промозглой осенью, в ноябре, произошел с их бригадой один случай, не совсем чтобы стандартный, хотя... этих нестандартных у них завались – что ни смена, то необычная ситуация: то «покойник» оживет, то алкаша с

дерева снимают, то работягу с куском арматуры в грудиने транспортируют.

Но эта была особенная.

Они уже закончили смену и возвращались с последнего вызова, не потребовавшего транспортировки больного в стационар, – бытовая травма легкой степени тяжести, обработали, забинтовали, направление в травмопункт выписали – и на базу. Отъехали от «адреса» и уже заслуженно расслабились, предвкушая отдых. Доктор их, Петр Ильич Кольцов (который, понятное дело, носил позывной Чайковский), гениальный врач, не в пример великому композитору, великий матерщинник, любитель острых анекдотов, уже было начал повествовать очередной свеженький анекдотец – верный признак окончания смены, когда пришел срочный вызов от диспетчера.

– Пятая бригада, Ильич, – с просящими интонациями обратилась диспетчер в эфире, что сильно не приветствовалось начальством, но допускалось в особо сложных ситуациях среди персонала: – Там рядом с вами экстренный вызов.

– Роды, смерть по причине упития, бытовой беспредел после совместного распития? – вредничая, не самым благостным тоном спросил Чайковский.

– Перестрелка. Произошла только что, прямо рядом с вами, – не приняла его тона диспетчер и назвала адрес. – По словам очевидца, от которого поступил вызов, у молодого человека два пулевых, сильное кровотечение, и он без сознания.

– А те, кто в него стрелял? – спросил Петр Ильич, жестом велел водителю ехать по адресу.

– Говорит, двое подхватили третьего и, торопливо, но тяжело хромя, ушли, похоже, что все трое тоже раненые. – И предупредила: – Вы там осторожней, один экипаж милиции уже едет, но будет минут через пятнадцать, а вы...

– А мы уже на месте, – перебил ее ворчливо Ильич, заметив выхваченную из темноты дальним светом фар группу людей, которые столпились над кем-то, лежавшим на асфальте. Какой-то человек, отделившись от остальных, призывно махал им рукой.

– Работаем, – строгим, недовольным тоном отдал распоряжение Ильич и первым выбрался из машины, бурча себе под нос, где он видал эту добровольно-принудительную сверхурочку.

Но стоило Дине с Валентином, медбратом их бригады, поспеть за Чайковским, который уже начал осматривать пострадавшего, как все в докторе Кольцове изменилось мгновенно, словно перед ними чудным образом материализовался совершенно иной человек.

Четким, командирским голосом, в котором звенел металл, он отдавал приказы, торопил, матеря по ходу всех и вся, и задал такой темп, что они, в пару минут затолкав в кузов каталку с пострадавшим, в четыре руки уже проводили экстренные действия, пытаясь остановить кровотечение, еще до того, как их водитель Василич врубил сирену с мигалкой и рванул вперед, без лишних слов со стороны начальства оценив ситуацию. Пострадавший оказался высоким, крепким, довольно симпатичным мужиком лет чуть за тридцать.

– Валя, ноги ему подними! – орал Ильич. – Динка, давай сюда! – указал он на раненого. – Оседлай его, быстро! – И матерился в три этажа, пока Дина становилась на колени над раненым. – Слушай меня, – объяснял он ей. – Я сейчас покажу тебе, куда надо давить, зажмешь артерию, прямо кулаком нажмешь – придавишь со всей силы, почувствуешь сразу, как толчки крови остановятся. И будешь держать. Поняла?

– Поняла, – подтвердила Дина, неожиданно вспомнив, что читала в учебнике по хирургии о таком способе экстренной остановки кровотечения из крупных сосудов вен и артерий. Но только в полевых условиях.

А тут и есть почти полевые условия! Как парень до сих пор жив, вообще вопрос, кровопотеря страшная!

– Чувствуешь?! Нашла?! – орал Петр Ильич.

– Нашла! – прокричала в ответ Динка, почувствовав под пальцами пульсирующую мощными толчками кровь, и прижала со всей силы, помогая себе второй рукой.

– Зажимай! Зажимай, мать его так-разтак!.. – орал Чайковский. – Вот, молодец! – уловив изменения в состоянии больного, похвалил он: – Молодец, Динюга, держи, не отпускай!

– Можно же зажимом?! – прокричала Дина.

– А как я тебе на ходу в этой каше, что у него там разворотило, буду вену выделять, мать твою, умница ты моя?! – обматерил он ее в три этажа с выкрутасами и приказал: – Держи!

И она держала. А матерящийся, бушующий Ильич и подгоняемый им Валентин, перепачканные кровью с ног до головы, проводили экстренную реанимацию парня.

– Куда везти? – орал Василич, проникшись остротой момента и общей штормовой атмосферой экипажа.

– Петр Ильич, – предложила Дина, – давайте в Склиф, он ближе всего, и сегодня отец дежурит.

– К Шаману? – задумался буквально на секунду Кольцов и тут же решил: – Точно, Шаман вытащит. – И проорал новую вводную медсестре: – Валька, звони диспетчерам, скажи, в Склиф везем, и пусть свяжутся с Нагорным, предупредят, чтобы никого не брал, мы ему тут «подарочек» приготовили!

И в этот момент раненый открыл глаза. Посмотрел мутным взглядом в пространство, потом напрягся всем телом, попытавшись встать, за что тут же получил заряд трехэтажного мата от Кольцова, в вольном переводе звучащий приблизительно так:

– Лежи, не двигайся, даже не шевелись!.. – далее непереводаемая ненормативная лексика.

Мужчина принял к сведению рекомендацию и перестал напрягать тело, зато, чуть прищурившись, осмотрелся, как мог, сообразил, где и в каком положении находится, и, взглянув на Дину, попытался что-то сказать.

- Что? – спросил Ильич и снял с него кислородную маску.

- Девочка, – не просительным, а строго-приказным тоном обратился пострадавший, – запомни, пожалуйста, – и произнес странную фразу: – Квадрат семнадцать-двадцать, Левко и Бандоев, пятнадцатого, в восемь. Номер здесь: двадцать восемь, ноль три, местный, любимая марка, цвет.

- Бредит, – предположил Ильич.

- Нет, – твердо отверг его предположение парень и потребовал у Дины: – Повтори.

Она начала повторять, сбилась на этих дурацких, непонятных цифрах, он напомнил, повторяя вместе с ней, и потребовал, чтобы она произнесла еще раз.

- Все? – спросила Дина, когда с третьего раза произнесла всю фразу в точности.

- Нет, еще, – уже хрипел он, и в уголках его губ пенилась кровь.

- Хватит! – остановил его Ильич.

- Еще одно. – Мужик посмотрел на него таким взглядом, что гневливый Кольцов, ни от кого не терпящий приказных модуляций в голосе, отчего-то не стал настаивать и орать, а пострадавший перевел взгляд на Дину: – Запомни телефон, – и продиктовал цифры мобильного, который в то время был редкостью у граждан.

Прямо на глазах ему становилось хуже и хуже. Раненый начал стремительно бледнеть, вокруг глазниц ложились темные тени, а кожа на висках становилась желто-серой, но он все держался.

Как?! Совершенно непонятно.

- Повтори, – потребовал парень затухающим голосом.

Динка быстро повторила, запомнив с первого раза.

– Перескажешь все слово в слово и объяснишь Ринку: передал Кнут... – И его повело, повело, выключая на последних словах.

– Я тебе помру! – орал на него Кольцов, вводя очередной препарат. – Я тебе сдохну, ... такая! Как приказы раздавать, так он живой, ... героический, а как выживать, так он в отключке, а мы тут ... с ним! Дыши давай! – орал тот, реанимируя парня.

Они очень быстро доехали до Склифа, ни на секунду не выключая «светомузыку», нарушая правила, пролетая на красные светофоры. Их уже встречал предупрежденный о состоянии пациента медперсонал с Константином Павловичем во главе.

Каталку с раненым и продолжавшей так и стоять над ним Диной, которая зажимала поврежденную артерию онемевшей рукой, выгрузили из машины и таким же порядком погнали сразу же в операционную. Кольцов бежал рядом и громко-четко читал протокол проведенных мероприятий. Лишь у дверей в оперблок он остановился и попросил, хлопнув Нагорного по плечу:

– Вытащи его, Шаман.

– Да иди ты, – без запала ругнулся Константин Палыч и проворчал на ходу: – Устроил мне тут полевую хирургию с ручным передавливанием!

Не принято было у так называемых экстренников просить об этом – дурной тон и плохая примета. Все скупое и без комментариев: сдал пациента, принял пациента, и все. И жди звонка, как он там. Лишь в крайних, особых случаях могли себе позволить подобное попустительство доктора, и то только бывалые, которые спасли не одну сотню жизней.

Видимо, этот парень оказался тем самым особым случаем. Чем он пробрал старого, битого, повидавшего изнанку жизни циника-матерщинника Кольцова, бог знает.

Дина долго отмывала руки от крови в служебном туалете. Как они умудрились перепачкаться? Ведь в перчатках была. Терла, терла, все равно до конца не оттерла, да и ладно. Посмотрела на себя в зеркало и снова, открыв кран с водой, принялась отмывать, ну хоть чуть-чуть, пока не доберется до душа, шею и щеку.

«Не выживет, – думала она про себя, и так ей становилось от этой мысли тошно и почему-то страшно обидно, и слезы выступили на глазах. – Ну чего ты? – дивилась и уговаривала она себя. – Что ты его хоронишь раньше времени, Динка! Такой мужик стойкий, вон на морально-волевых еще и разговаривал, требовал, приказы-просьбы отдавал, хотя, по логике, уже давно должен был отойти. Так что еще посмотрим, поборется он, да и отец будет биться за его жизнь до последнего», – подбадривала она себя.

Вышла к своей бригаде на тех самых морально-волевых и посмотрела на мужиков, аж посеревших от усталости. Их троих капитально «накрыло», стоило только немного расслабиться, передав раненого хирургам. Но деваться некуда – надо возвращаться и сдавать смену. Обессиленные, опустошенные, перепачканные кровью с головы до ног – как из боя вышли. Вообще-то, может, и вышли. Они забрались в машину и, не произнеся ни слова, в полном молчании доехали до родной подстанции.

Сдав смену, препараты и отчеты, расписавшись во всех журналах и ведомостях, Дина долго стояла, не двигаясь, под струями горячей воды в душе, смывая въевшуюся в кожу засохшую кровь. Надо было найти в себе силы, чтобы нормально помыться и как-нибудь высушить волосы маломощным, вечно барахлившим общественным феном, а потом одеться-собраться и еще доехать до дома.

Да, еще позвонить.

Выживет мужик или нет, а позвонить надо, она обещала. Хотя мутная какая-то это история, и сообщение его явно же непростое, а если это... отморозки какие-нибудь? А? Но вот что-то подсказывало Дине, чутье какое-то внутреннее, что не похож этот раненый на отморозка. Хотя смешно, какое там чутье у девчонки двадцатидвухлетней. Ну вот какое есть.

Преодолевая всю свою предельную усталость, Дина заставила себя последовательно и поэтапно предпринимать необходимые действия – мыться-сушиться, одеваться-собираться. И ничего так, взбодрилась даже.

В комнате отдыха Валентина Григорьевна, доктор второй бригады, специально для них заварила настоящего, душистого чаю в большой фарфоровый чайник, прекрасно понимая и видя состояние пятого экипажа. Спасибо ей огромное –

прямо спасла!

Можно было, конечно, вколоть себе препаратик да еще витаминчику какого добавить, кто-то так и делал от переутомления и стресса, но Дина такими делами не баловалась – на фиг, так подсядешь на искусственное расшатывание организма: не наркота, понятное дело, но тоже привыкаешь. На фиг.

«А внутренние резервы?» – как говорит ее батенька по этому поводу. Вот она на тех самых внутренних справляется.

А чай прямо в тему пошел – взбодрил так хорошо, по крайней мере глаза перестали сами собой закрываться.

По громкой связи объявили вызов второй бригады.

– Куда? – спросила Дина у Валентины Григорьевны.

Та посмотрела в лист вызова и назвала адрес. Дина быстро прикинула маршрут и вдруг, мгновенно приняв неожиданное решение, попросила:

– Возьмете с собой? Мне в Склиф надо, высадите где-нибудь поближе, вам по пути.

– Давай, – разрешила Валентина Григорьевна.

И Дина, быстренько затолкав в сумку шапку-шарф с перчатками и подхватив куртку, заскочила в машину второй бригады.

– В Склиф собралась? – спросил внезапно оказавшийся рядом с машиной Кольцов.

– Угу, – кивнула Дина.

– Ну давай, – одобрил он ее инициативу и попросил: – Позвони сразу, как там будет.

Операция все продолжалась. Дина с разрешения дежурной зашла в пустую ординаторскую, устроилась за столом, подтянула к себе телефонный аппарат и застыла, глядя на него, задумавшись. И именно в эту самую минуту прочувствовала, насколько зверски она устала, до невозможности даже шевелиться – догнало все-таки всерьез, как ни хорохорилась, как ни бодрилась, видать, внутренние резервы закончились.

Нет, нет, приказала она себе, сейчас нельзя, надо еще немного потерпеть, продержаться, а то, если дать себе волю, упадет спать прямо здесь, а ведь всем медикам известно: последнее дело спать после смены на кушетке или даже на свободной койке на работе.

Глубоко вдохнув, Дина задержала дыхание, резко выдохнула и набрала номер сотового телефона, который запомнила с первого раза и, видимо, на всю жизнь.

– Да, – коротко ответил строгий мужской голос уже после второго гудка.

– Здравствуйте, – усилием воли Дина заставила себя собраться и говорить четко и размеренно, – я фельдшер «Скорой помощи», вам просил позвонить и передать информацию мужчина, который назвал себя Кнут.

– Что с ним? – быстро спросил мужчина.

– Проникающее огнестрельное ранение брюшной полости и легкого, – озвучила она первичный диагноз.

– Живой?

Дина ответила не сразу, понимая, что состояние пострадавшего не внушает больших надежд.

– Живой? – повторил с чуть большим нажимом в голосе мужчина.

– Идет операция, – уклончиво ответила она.

– Где?

– В Склифосовского.

– Сейчас буду, – безапелляционным тоном сообщил мужик.

– Подождите, – заторопилась Дина, понимая, что он собирается прервать разговор, – я не знаю, кто вы, из какой организации, вы даже не представились.

– Как вас зовут? – неожиданно спросил мужчина достаточно мягким тоном.

– Дина, – чуть растерялась она от такой резкой перемены и тона, и темы разговора.

– Дина, – обратился он к ней не то чтобы просительно, но мягко, без прежнего нажима, – дождитесь меня, пожалуйста, я буду минут через пятнадцать-двадцать, представлюсь вам лично, и вы мне все подробно передадите. Договорились?

И отчего-то, скорее всего от оупляющей усталости или из-за искренности тона, которым он произнес свою просьбу, но она согласилась. И чтобы не заснуть, поплелась к автомату с напитками, который недавно поставили в холле приемного отделения. Кофе был совершенно дрянной, а спать хотелось ужасно – организм требовал хотя бы прилечь, хоть минут на десять, просто полежать с закрытыми глазами. Но она держалась, отдавая себя ясный отчет, что вырубится мгновенно, стоит только коснуться подушки головой, и тогда ее вряд ли кто-то уже разбудит, и все бродила, бродила, как сомнамбула.

Накинула куртку и вышла на улицу, постояла, вдыхая промозглый воздух, кисловатый от близости Садового кольца и опривших, чуть примороженных к ночи листьев, побродила немного у входа в приемное отделение, даже поприседала, и вернулась обратно, почувствовав, что подмерзает.

Он приехал через пятнадцать минут, как и обещал, и не один. В холле приемника собралось человек пять родных и близких тех, кого привезли «по «Скорой», ожидавших вердикта докторов. Среди них была и Дина, решившая не устраиваться с комфортом в ординаторской, а взять в автомате второй стаканчик того же дрянного кофе и сесть на неудобном, жестком кресле в продуваемом от постоянно открываемых дверей холле.

С улицы вошли двое мужчин. Они остановились всего на пару мгновений, успев быстрым взглядом окинуть всех ожидающих, почему-то выбрали Дину и совершенно определенно двинулись к ней.

Шедший чуть впереди мужчина был высокий, широкий, даже, можно сказать, мощный какой-то, лет за сорок, с коротким ежиком чуть поседевших волос на голове, с таким интересным волевым лицом, смягченным легкой дружеской улыбкой, с которой он смотрел на девушку. При всей монументальности его фигуры двигался он с поразительной, необыкновенной грацией хищника, абсолютно расслабленного, но готового к атаке в любой момент. Вторым мужчиной, шедшим чуть сзади и сбоку, практически плечо к плечу за первым, был несколько иного типажа: немного пониже первого и менее массивен, такой жилистый весь, сухопарый. Двигался он с не меньшей грацией, чем первый, но более пружинисто, что ли.

То, что оба эти мужика были очень-очень непростыми дядечками, при всей их улыбчивости, предназначавшейся исключительно ей, было совершенно понятно с первого же взгляда.

– Вы Дина? – подойдя к ней, спросил первый мягким, очень приветливым голосом.

– Да, – кивнула она и поднялась с неудобного дерматинового скрипящего кресла, оказавшись больше чем на голову ниже его.

– Здравствуйте, – все улыбался ей мужчина и представился: – Меня зовут Антон Александрович.

– А Ринк, это кто? – осторожно спросила Дина, не спеша улыбаться в ответ.

– Ринк – это я, – произнес он все тем же мягким, улыбчивым тоном. – Фамилия моя Ринков, иногда ко мне так обращаются, – пояснил он и, поведя рукой вправо, представил своего товарища: – А это Сергей Викторович Кнуров.

– А вы, наверное, Кнур? – позволила себе усмехнуться Дина.

– Нет, – неожиданно искренне заулыбался тот в ответ. – У меня несколько иное прозвище, не столь экзотичное.

И Дина присмотрелась повнимательней: у этого Сергея Викторовича были поразительные, необыкновенные длинные, темные и густые ресницы – предмет мечтаний любой женщины.

И отчего-то именно от этой удивительной детали внешности незнакомца она вдруг моментально перестала напрягаться, нервничать, опасаться и ожидать чего-то плохого.

– Вы знаете, что производите впечатление очень опасных людей? – спросила она у первого – того, который назвался Ринком.

– Мы не нарочно, – улыбнулся он ей.

– Хочется спросить: «Ребята, вы на чьей стороне? За белых или за красных?» За Мао или за Сяо, как в том старом анекдоте.

Анекдот был бородатый и с «душком», как говорится, на грани фола, из обширного арсенала доктора Кольцова, и по реакции мужчин Дина вдруг, мгновенно смутившись, поняла, что он явно знаком этим двоим.

– Мы за добро, девочка, – уверил ее со смешком Сергей Викторович.

– Вы волнуетесь, что информация, которую вам передал Кнут, может быть использована во вред? – прямолинейно спросил Ринков.

– Ну есть такой момент, – наивно призналась Дина. – Какие-то цифры, фамилии, мало ли. А у нас Дубровки всякие случаются.

– Вам придется нам поверить на слово, Дина, – перестав улыбаться и излучать приветливую открытость, каким-то совсем уставшим тоном произнес Антон Александрович. – То, что просил передать Игорь, очень важно, как раз чтобы предотвратить возможность какой-нибудь еще Дубровки.

– Сказать можно все, что угодно, и убедить человека в чем угодно, – заметила Дина и объяснила ему: – Я не знаю почему, наверное, потому, что полтора часа назад практически держала в руке сердце вашего Кнута и видела его поразительное мужество, его волю, может, поэтому, а может, из-за того, что я просто глупая девочка, но я передам вам то, что он просил.

И она пересказала все, что так старательно запоминала, под руководством практически умирающего человека.

Мужчины обменялись очень быстрыми, буквально секундными понимающими взглядами, и Ринков, коротко извинившись, отошел в сторону, на ходу доставая телефон из кармана пиджака.

– Что вы пьете? – спросил ее Кнуров, оставшийся возле Дины, кивнув на пустой картонный стаканчик в ее руке.

– Ужасный, дрянной кофе из автомата, – призналась она и отчего-то немного пожаловалась: – Но он все-таки бодрит, при всей его гадости, а я сейчас в таком состоянии, что без него меня давно срубило бы. – И вздохнула устало: – Смена была тяжелой.

– Как он? – спросил Сергей Викторович, словно отпуская себя на какое-то краткое мгновение.

И только сейчас Дина поняла, насколько он весь напряжен, собран и натянут, как струна, что его духовные силы и переживания направлены на мысли о раненом, увидела, как по-настоящему важен для него тот человек и что это его личное горе и трагедия. И все эти улыбки, шутки и легкость тона, казавшиеся ей очень естественными, на самом деле лишь великолепное умение владеть своими эмоциями.

– Идет операция. Мы его сюда специально везли, сегодня смена одного из самых классных хирургов, повезло вашему Кнуту, или как его там, – Игорю. Если кто и сможет его спасти, так только он. Коллеги в своей среде его Шаманом называют за то, что он совершенно безнадежных вытаскивает, – попыталась она, как могла, подбодрить мужчину. – И раз все еще идет операция, значит, он точно до сих пор жив. Надо ждать.

– Да, – кивнул он с улыбкой, соглашаясь, и спросил: – А вы, Дина, тоже решили ждать?

– Мне бы поспать, – вздохнула она тяжело, сдаваясь перед обстоятельствами. – И желательно часов двенадцать, и хотелось бы так, чтобы никто не будил и не трогал. Но этого вашего героя раненого теперь, наверное, можно считать моим крестником в какой-то степени. Моим и доктора Кольцова. Хотя, скорее, наоборот: сначала его – потом моим. Поэтому я буду ждать. И «Чайковский», как мы называем нашего доктора, потому что Петр Ильич тоже не спит, ждет моего звонка. Так что пойду, возьму себе еще кофе.

– Я принесу, – остановил ее Кнуров.

Подошел сначала к Антону Александровичу, продолжавшему говорить по телефону, что-то коротко сказал тому и двинулся совсем в другую сторону от автомата. Минут через пятнадцать, когда Дина начала клевать носом, вздрагивая всякий раз, когда чуть не валилась из кресла, Кнуров вернулся.

– Вот. – словно из ниоткуда перед ней появился большой картонный стаканчик кофе с логотипом известной дорогой кофейни, даже из-под крышки которого шел бесподобный аромат.

– О господи, это чудо, что ли? – даже как-то немного проснулась Дина, принимая стакан, предусмотрительно обмотанный дополнительным слоем бумаги.

– Вам надо подкрепиться, как я понял, – ответил Кнуров и протянул ей еще и большой, какой-то прямо раскрасавец-сэндвич, завернутый в бумагу той же кофейни.

Ах, какой же это был сэндвич! Ум-м-м! Динка слупила его в рекордное время, минуты за полторы, прикрыв глаза от удовольствия и запивая волшебным кофе. Он ее прямо спас, этот непонятный мужик с черными длинными ресницами.

А как только она доела и выбросила в корзину мусор, к ним вышел Константин Павлович. Уставший, взмокший, замученный сверх всякой меры, с посеревшим от запредельной усталости лицом, он взглядом нашел Дину и махнул ей. К отцу она подлетела одновременно с Ринковым и Кнуровым.

– Это друзья и родственники раненого, – торопливо представила мужчин Дина.

– Жив, – коротко оповестил Нагорный, посмотрев по очереди на мужиков. – Состояние критическое, но жив пока. Все покажет эта ночь, первые часы после операции.

– Жив! – Дина повернулась к мужчинам, радостно улыбаясь, и внезапно для самой себя почему-то кинулась и обняла Кнурова, разделяя свою радость с этим чужим ей человеком. – Жив!

Вот так они и познакомились. Раненый Игорь по фамилии Веснин выжил и, благодаря своему здоровому, молодому, натренированному организму, довольно быстро восстанавливался. Ринков с Кнуровым всучили Константину Павловичу увесистый пакет. Тот принял, а как не принять? Дома шестеро по лавкам и все есть хотят, а зарплаты... нет, почитай, у него зарплаты. Как и Дина приняла, и вся их бригада «Скорой», даже Василичу перепало за великолепную скоростную езду.

А когда мужчины забирали еще лежачего Веснина, объяснив Нагорному, что там, куда они его везут, медицинский уход за парнем будет гораздо выше и качественней, чем даже в знаменитом Склифе, Антон Александрович протянул Константину Павловичу и Дине по визитной карточке и очень весомо произнес:

– Если возникнет необходимость, звоните в любое время. Поможем.

Кто поможет, при какой такой необходимости, Дина с отцом спрашивать не стали. Понятно же и так.

Промолчали, кивнули благодарно, в полной уверенности, что больше никогда не увидятся и никакой такой необходимости у них – тьфу, тьфу, тьфу – не возникнет. А с чего бы?

Кто бы тогда сказал Дине, что через год помощь этих мужчин ей ой как понадобится.

– Не могу об этом, – глядя в глаза Гарандину, призналась она. – Мне сейчас лучше обойтись без эмоций. А это... Столько лет прошло, а я до сих пор... И казалось бы, такого уже понавидалась, с таким кошмаром бытовым и трагедиями сталкивалась, а как вспомню тот день...

– Ну ладно, ладно, – придвинулся Влад к ней и погладил по голове, успокаивая и подбадривая, – потом расскажешь. Вот отвезу тебя в усадьбу, сядем там вечерком на террасе, будем чай гонять и смотреть на закат. Там и расскажешь.

Дина глубоко вдохнула, останавливая неожиданно яркие и четкие воспоминания, загоняя внутрь предательские слезы, и посмотрела на мужчину внимательным, изучающим взглядом.

– В усадьбу? – уточнила она.

– А почему нет? – спросил он. – Батюшка твой говорит, что тебе в лучшем случае при условии строгого соблюдения режима нужно восстанавливаться после сотрясения еще месяца два. Компьютером и телевизором можно пользоваться не больше двух-трех часов в день, руку на перевязи держать после выписки еще две недели. И что, будешь дома сидеть?

– Предлагаешь сидеть у тебя в гостях?

– У нас там красота, – с чувством произнес Влад. – Усадьба стоит на пригорке, и оттуда ви-и-ид открывается – закачаешься: на километры вокруг. Такой простор, такое спокойствие и тишина. А прямо за усадьбой лес стеной, из него часто зайцы выскакивают и лисы. Птицы по утрам поют многоголосьем. А на большом лугу дикие куропатки водятся. И ферма видна, и левады. Это тебе не у телевизора сидеть.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

1

Герой книги «Любовь со вкусом вишни».

2

Герой книги «Крымский роман».

3

Герой книги «Девочка моя, или Одна кровь на двоих».

4

Героиня романа «Руки моей не отпускай».

Купить: <https://tellnovel.com/tatyana-alyushina/sozdany-drug-dlya-druga>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)